

НАЧАЛО ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ ПЕТРОМ I (1699—1705)

Регулярная постоянная армия возникла в России на рубеже XVII—XVIII столетий в результате военной реформы Петра Великого.

Реформа, подготовленная предшествующим развитием вооруженных сил, представляла собой длительный и сложный процесс реорганизации армии, перевооружения ее новой военной техникой (ударно-кремневое ружье со штыком), перехода к современным средствам и способам ведения войны, накопления массового опыта новой линейной тактики на основе боевых действий армии, главным образом, в Северной войне.

В ходе реформы можно выделить три основных периода: 1690—1699 гг. — период подготовки реформы, когда первые регулярные солдатские полки, возникшие в годы «пешинских походов», получают боевую проверку в Азовской операции 1695—1696 гг., и Петр на опыте Азовских походов приходит к коренной реорганизации армии; 1699—1705 гг. — начальный период реформы армии, когда совершается переход к регулярной военной организации, усовершенствованной далее на опыте Нарвы и последующих военных действий в годы т. н. «малой войны»; наконец, 1705—1709 гг. — период завершения реформы, когда регулярная организация армии приобретает устойчивые формы, завершается перевооружение армии, переход к новой системе комплектования (рекрутская повинность), и армия овладевает современным военным искусством, что и подготовило Полтавскую победу.

Печатаемая ниже глава из кандидатской работы автора о военной реформе Петра I изучает важнейший момент реформы — начало организации регулярной армии. Задача главы — показать возникновение новой армии и роль Петра Великого, как ее организатора, и вместе с тем выяснить те элементы «регулярности» армии, которые созрели и определились уже в это время, получив свое окончательное развитие в последующие годы реформы.

ЗАГРАНИЧНАЯ ПОЕЗДКА ПЕТРА I

1. Военно-организационные мероприятия после Азовских походов

Опыт Азовских походов послужил сильным толчком дальнейшей реорганизации армии. Военные действия вскрыли органические недостатки в устройстве, вооружении и тактических средствах армии: она не имела ни обученных офицеров, ни достаточно опытных военных инженеров, в ее составе преобладали полки старомосковского войска. Дворянская конница действовала под Азовом «по прадедовским обычьям, не приняв воинского строя»¹.

Но уже в ходе Азовской операции произошли важные сдвиги в развитии всех сторон военного дела. Не говоря о новом решении транспортной задачи и создании морской флотилии, следует подчеркнуть важную роль первых регулярных полков, как основного ядра армии. Регулярные полки не случайно, конечно, были включены по 1—2 в каждую «дивизию». По своей выучке, стойкости и моральным качествам (особенно проявленным в штурмах Азова и действиях гребного флота) они на деле оказались лучшей частью армии. Назначение во 2-м походе главнокомандующего армии, устройство дворянской конницы по образцу пешинских рот, выделение в составе войск группы военных инженеров и первые попытки широкого применения современных инженерных методов, создание артиллерийской группы в виде бомбардирской роты, — все это выражало поиски новых средств решения военной задачи.

После взятия Азова немедленно были приняты меры инженерной обороны завоеванного района: инженеры Боргдорф (автор первой книги по фортификации, напечатанной в Москве в 1709 г.), Руель и Лаваль восстанавливали по новым чертежам Азовскую крепость и строили новую крепость (Таганрог) и гавань на Мкuse. Чертежи посыпались к Петру за границу для просмотра. В сущности та же идея инженерного обеспечения, но только в более широком объеме, осуществляется Петром в самом начале Северной войны.

В Азовских походах основную массу постоянной пехоты составляли московские стрелецкие полки. После взятия Азова стрельцы были оставлены на юге в качестве местных войск. Тем самым было положено начало «скасования» стрелецкого войска, которое было только ускорено в результате последнего стрелецкого бунта 1697 г. Задача перестройки армии и повышения ее военного искусства была осознана. Петр понял, что для успешного решения этой огромной задачи необходимо изучить опыт передовых западноевропейских армий.

В 1696—1698 гг. Петр осуществляет широкую программу подготовительных мероприятий для задуманной реформы армии. Во время заграничной поездки Петра закупались большие партии ружей и барабанов, заказывались пушки, мортиры и гаубицы, приглашались на службу в Россию офицеры, артиллеристы, военные инженеры, пушечные и оружейники-мастера¹. Однако дело этим не ограничилось. В отличие от прежних времен, когда Россия пользовалась готовыми плодами западной воинской культуры, теперь, при Петре, эти связи с самого начала приобрели активный, творческий характер. Петр и волонтеры, посланные в 1697 г. «в разные европейские государства», внимательно и успешно изучали морское дело и «военную науку». Группа волонтеров изучала за границей «по окончанию дел и поведений», прекрасно изучил организацию и тактику цесарской, саксонской, французской и нидерландской армий и в 1698 г. представил Петру подробный доклад о результатах своих наблюдений (т. н. «Устав Вейде»).

Самым усердным и исполнительным волонтером, а вместе с тем душой и руководителем этого невиданного похода за европейской военной наукой был «десантник Петр Алексеев». Петр внимательно изучал устрой-

¹ По свидетельству А. Желябужского, общее количество иноземных офицеров, мастеров и т. д., прибывших в Москву в течение лета 1698 г., достигало 700 человек. А. Желябужский, Записки, М. 1845, стр. 123.

ство и тактику западных армий и сообщал о результатах своих наблюдений в Москву. Так Ф. Ромодановскому Петр писал «о стрельбе и о строении полков», А. Головину выслал из Амстердама «посылку», которая «надлежит к солдатскому строю», повидимому, правила строевого обучения пехоты. В результате вдумчивого изучения постановки строевого обучения иноzemных войск, Петр пришел к выводу о необходимости установления единых строевых принципов и при введении строевого устава пехоты в 1699—1700 гг. значительно упростил и улучшил строевые правила и ружейные приемы сравнительно с уставами западноевропейских армий. Петр интересовался также вопросами административной организации и содержания иноzemных армий. Так, например, волонтер В. Корчмин по требованию Петра составил в Берлине список всех чинов армий, от фельдмаршала до фендриха, сколько кто получает жалованья и «какое обмундирование и довольствие солдатам»¹. Я. Брюс посыпал Петру «описание чинам у английского короля у артиллерии на войне и во время миру, такожды о их жалованья поденном»².

Особенно внимательно изучалось артиллерийское дело — начиная от техники литья пушек и изготовления чертежей орудий по калибрам и кончая вопросами организации артиллерии в составе войск и ее тактики. Отправляясь за границу, Петр обладал уже солидным запасом теоретических знаний и практических навыков по артиллерии и благодаря этому в короткий срок прошел в Кенигсберге полный курс артиллерийской науки, получив диплом «огнестрельного мастера и художника»³. Как всегда, Петр вникал во все детали дела. Так, он специально вернулся Я. Брюса в Дептфорд для выяснения некоторых особенностей в конструкции показанных ему за несколько дней перед тем мортир. По приезде в Дептфорд, писал Брюс Петру, он «спрашивал у полковника Броуна о калибре мортир», — «и он сказал мне, что калибры у обоих мортир равны на 13 дюймов, только что камеры разные, и хотел мне с них чертежи написать»⁴. Чертежи орудий новейших конструкций и, что особенно важно, по калибрам, заготовлялись и в Голландии. В декабре 1697 г. в Амстердам был вызван «для чертежного пушечного дела» учитель русских волонтеров капитан артиллерии Ян Гошка, о котором с большой похвалой отзывался В. Корчмин. Гошка был приглашен в Россию и сыграл немалую роль в реконструкции артиллерии после Нарвы.

Петр уже в это время заботился о расширении отечественного артиллерийского и оружейного производства. В сентябре 1697 г. он писал А. Виниусу из Амстердама: «Из тех мастеров, которые делают ружья и замки зело добрые, сыскали и пошлем не мешкая...»⁵. Посещая при всяком удобном случае арсеналы, железоделательные и артиллерийские заводы, Петр со своими спутниками-волонтерами настолько изучил технику артиллерийского и оружейного производства, что впоследствии не только лично изготавлял чертежи орудий и лил пушки, но и сумел удачно решить ряд крупных технических задач, что поставил русскую артиллерию на уровень современных требований.

Личный осмотр крепостей в странах Запада дал Петру и волонтерам представление о современных военно-инженерных сооружениях. Вряд ли можно сомневаться в том, что Петр изучал за границей и теоретическую часть фортификации: в первые годы Северной войны он лично руководил осадой крепостей, изготавливая чертежи и макеты новых фортификационных сооружений. Имена Вобана, Римпльера, Блонделя и др. были хорошо

известны Петру, по указу которого сочинения этих авторов были переведены и изданы на русском языке.

Заграничная поездка Петра и почти двухлетний «курс» волонтерской учебы имели огромное значение в деле перестройки армии перед началом Северной войны. Без преувеличения можно сказать, что задача овладения лучшими достижениями западноевропейской военной культуры была достигнута. Но, реализуя почерпнутые знания в ходе реформы армии, Петр и его военные сотрудники не слепо копировали чужеземный военный опыт, но творчески перерабатывали и развивали его на основе национальных особенностей русской армии и ее боевого опыта.

2. Начало реорганизации армии. Подготовка пехотных офицеров

• После возвращения Петра из заграничного путешествия одновременно с дипломатической подготовкой войны (мирные переговоры с Турцией, оформление военного союза с Данией и Польшей) началась интенсивная подготовка армии. Перемена внешнеполитических и военных планов если и отразилась на ходе реформы, то лишь в сторону большего напряжения усилий военного аппарата и личной деятельности Петра по реорганизации сухопутной армии в связи с особенностями нового театра военных действий и нового противника.

Основной базой для первоначальной организации регулярной армии должны были послужить кадры первых регулярных полков (Преображенский, Семеновский, Выборные Гордона и Лефорта). Перед отъездом за границу Петр оставил А. М. Головину специальную инструкцию о наборе в полки и обучении строю новых солдат и офицеров, пополнении вооружения полков и т. д. (см. ниже об уставах). В письмах Петру А. Головин сообщал о записи в полки новоприборных солдат и ходе их обучения⁶. К 1699 г. не только рядовой, но также офицерский и сержантский состав регулярных полков был значительно расширен и намного превышал «штатные нормы». Так в Преображенском полку числилось 120 офицеров (из них 88 русских), в т. ч. 63 сержанта, в Семеновском — около 90 офицеров (65 русских), в т. ч. 39 сержантов. Кроме того «за ротами» числилось 44 офицера⁷. Известное количество строевых офицеров находилось среди тех 700 иноzemцев, которые прибыли в Москву в 1698 г. Иноzemский приказ в 1700 г. прислал в распоряжение А. Головина 300 офицеров. Таким образом, подготовка к созданию новоприборных солдатских полков началась с подбора офицерского состава. Однако, вскоре выяснилась полная непригодность значительной части иноzemных офицеров. — «Трудов на них много положено, а иные и ныне не умеют за мушкет приняться», — жаловался Петру А. Головин, руководивший обучением офицеров по новому строевому уставу⁸. В другом письме Головин сообщал Петру, что офицеры, присланные из Иноzemского приказа, «по многим числам ученья не приняли», и он «выкинул из них человек с полтораста, а в остатке в учении человек с полтораста же...»⁹.

С весны 1699 г. началась подготовка пехотных строевых офицеров из русских дворян. 1 мая «по указу В. Г. из Преображенска была стольникам повестка, чтобы явились в Преображенском майя во 2 день». Стольники явились к генералу А. М. Головину, и после смотра им было сказано, «чтоб учились пехотному строю на Жирном дворе, у ково есть свое ружье, фузей или пищали, а у ково нет те брали в Преображенском государево ружье»¹⁰. Вернувшись из Воронежа, Петр 17 мая присутство-

¹ П. и Б., т. I, стр. 716, 717.

² Устрялов, том III, прил. VII, стр. 73.

³ Хранится в кабинете Петра В., отд. 1, л. 37, л. 1.

⁴ П. и Б., I, стр. 724.

⁵ П. и Б., I, № 188.

⁶ П. и Б., т. I, стр. 659, 679.

⁷ Устрялов, III, прил. 7, II.

⁸ П. и Б., I, стр. 806.

⁹ Там же, стр. 814.

¹⁰ Желябужский, стр. 142.

вал на ученыи стольников в с. Семеновском. После 1½—2 мес. обучения офицеры были распределены между генералами А. Головиным, А. Вейде и Н. Репниным. 26 июня генералы в с. Семеновском «смотрели стольников, которые были в ученыи пехотного строю, и разбирали на три стороны... достались всякому генералу по семидесяти человек»¹.

Видимо, первый опыт подготовки русских пехотных офицеров дал удовлетворительные результаты. На июль месяц, вызывались в Москву стольники, стряпчие и жильцы, находившиеся в городах и уездах, и после смотра «отданы по генеральству в учение»². Одновременно было положено начало более основательной подготовке офицеров — при регулярных полках созданы первые группы «сержантов в малых летах» и «малолетних солдат», при бомбардирской роте — учебная артиллерийская группа — зародыши военных полковых школ³.

Набор дворян для обучения «солдатскому строю» был усилен в начале 1700 г. в связи с формированием новоприборных полков. А. Головин просил Петра разрешить набор начальных людей «из царедворцев и заморских», т. е. из лиц высшего круга «московского чина» и стольников-волонтеров 1697 г.; «а я истинно то делать рад: лутче их учить, нежели тех, которые присланы из Иноzemного приказа». По распоряжению Петра А. Головин затребовал списки служилых людей из Разряда, а пока собрал тех, кто был под руками, «в науку пехотного строю». 17 апреля Головин «заморским ружье раздал и начал их учить», при этом некоторые из них (Ив. Урусов, Ю. Лодыженский) оказались негодными «для того, что оне дряхлы», — «только я их учю ж», — заканчивает письмо Головин⁴.

Набор и обучение солдатскому строю офицеров из дворян было новым явлением в истории русской армии. В XVII столетии русские дворяне служили офицерами главным образом в коннице — старопоместной и «иноzemного строя» (рэйтари, копейщики, драгуны), большинство офицеров в пехоте, не считая стрелецких полков, были иноzemного происхождения. Дворяне не хотели служить в пехоте, считая это несовместимым со своим достоинством и честью. Даорзиян вообще же придавал большого значения своему офицерскому чину, поскольку его служебное положение и военная карьера зависели не от личных заслуг и способностей, а от того места, которое занимал он сам и его предки в иерархической феодальной лестнице дворянских и придворных званий. Точка зрения правительства была не менее характерной: дворян записывали в солдатские полки или «в наказание» (за уклонение от службы и «многие неты», потерю оружия, явку в полки «на худых лошадях и с худым оружием»), или же «за скудостью», т. е. преимущественно мало- и беспоместных. Офицеры, служившие в рэйтарских полках, получали большое жалование и в служебном отношении считались соответственно чином выше пехотных офицеров. Набор 1699—1700 гг. выявлял коренное изменение политики правительства в деле подготовки офицерского состава армии и наносил сильный удар по сложившимся веками сословным предрассудкам и традициям дворянства.

Запись в «учение пехотного строю» не могла не вызвать недовольства части дворян, но все попытки уклониться от солдатской науки пресекались самыми энергичными средствами. В 1700 г. в Разрядном приказе числилось служилых людей московского чина (стольников, стряпчих, дворян, жильцов) 7704 ч. Известная часть из них (не служившие в армии, в приказах и на воеводствах) получала т. н. кормовые деньги.

НАЧАЛО ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ ПЕТРОМ I (1699—1703) 71

По указу Петра 23 января 1700 г. дворянам «кормовых денег давать не велено, а кто хочет ити в службу, те б записывались, а которые не похотят и тем воля, буде похочет, ехать в иное государство»⁵. Уже в это время Петр рассматривает военную службу дворянину не как феодальную прерогативу, а как государственную обязанность.

Уклонявшиеся от учения подвергались суворым наказаниям. Стольник Б. Тевашев «бит кнутом за то, что отбивался от пехотного строю». 9 июля 1699 г. по докладу А. Вейде Петр на Генеральном дворе в Преображенском лично осматривал записанных в списках негодных к строевой службе по болезни и старости, и действительно негодных «отставлял», а из «отбивавшихся» «двух секли кнутом и плестью, а иных согнали в Азов» с конфискацией поместий и вотчин⁶.

Усилия по подготовке русских пехотных офицеров не остались бесплодными. В Нарвском походе 1700 г. русских офицеров было значительно больше, чем обычно предполагают. Об этом можно судить хотя бы по донесению майора Вердена Б. П. Шереметеву о командном составе полков солдатского строя «как пошли в прошлом 1700 году под Ругодев». Правда, в донесении Вердена даны сведения только по 9 полкам армии Шереметева, но, во-первых, в это число вошло по нескольку полков из всех трех дивизий, сформированных в 1699—1700 гг., а во-вторых, нет оснований предполагать иную картину в других полках; наоборот, русские офицеры распределялись равномерно между тремя «генеральствами». Подсчитав по донесению Вердена количество русских и иноzemных по происхождению офицеров всех чинов, получаем в итоге следующие данные:

Чины	Иноzemцы	Русские
Полковники	9	0
Подполковники	5	0
Майоры	4	1
Итого	18	1
Капитаны	28	39
Поручики	17	26
Прaporщики	4	28
Итого	49	93 ⁷

Следовательно, в штаб-офицерских чинах в начале войны большинство представляли иноzemные офицеры, но в обер-офицерских чинах русских офицеров было в два раза больше, чем иноzemцев. Боевую выучку первые русские офицеры регулярной армии получили в ходе Северной войны.

3. Набор регулярной пехоты. Система комплектования. Строевое обучение солдат и офицеров

Набор солдат в регулярные полки (до введения рекрутской системы в 1705 г.) производился на старых основаниях путем вербовки «вольницы» и призыва даточных.

¹ Желябужский, стр. 144.

² Там же, стр. 146.

³ П. и Б. I, стр. 814; Устрилов, III, прим. 8, 2.

⁴ П. и Б. I, стр. 806, 814.

⁵ Сборник Есипова, т. II, стр. 262—268.

⁶ Желябужский, стр. 164, 167.

⁷ П. и Б. I, № 603.

По указу 8 ноября 1699 г. началась добровольная запись в солдатские полки «изо всяких вольных людей». Запись производилась на съезжей солдатской избе и «дворе» генерал-комиссара Ф. А. Головина в Преображенском. Солдатам установлено жалование по 11 рублей в год и хлебное довольствие наравне с рядовыми Преображенского и Семеновского полков¹.

* 17 ноября 1699 г. последовал указ о наборе даточных людей.

Для набора, формирования и обучения солдатских полков была образована особая комиссия на Преображенском Генеральном дворе «боярина и адмирала» Ф. А. Головина, в которую входили генералы А. Вейде, А. Головин, думный дьяк Авт. Иванов, дьяки О. Татаринов, И. Золотухин, Н. Кормилицын и др. В помощь комиссии было выделено 74 подьячих, а для посылок велено быть «Преображенского полка солдатам по капральству, и переменять их по очереди»². Указ выкликали на Постельном крыльце, а копии с него прибивали «к градским воротам» в Москве и городах, а дальним владельцам рассылали с подьячими.

Комиссия должна была проделать всю ту работу, которую обычно выполнял Поместный приказ при сборе даточных, т. е. собирать «сказки» землевладельцев о количестве дворов, сверить их с данными писцовых книг (в данном случае 186 года) и принять от помещиков и вотчинников по росписям даточных людей или деньги вместо них. Для удобства землевладельцев пункты сбора даточных, кроме Москвы, назначены Новгород, Псков и Смоленск, воеводы которых, приняв «сказки», даточных и деньги, должны были представить их на Генеральный двор. Не брали в даточные пашенных крестьян, отставных московских стрельцов, татар. В даточные следовало выставлять людей «самых добрых, не старых и не увечных», а с 1700 г. — в возрасте 17—30 лет, «или малым чём больше»³.

В ноябре 1699 г. для набора 10 солдатских полков был послан в Казань и низовые города Н. Репин с 10 стольниками и 25 солдатами Преображенского полка. Наказ Репину точно уставчивал контингент призываемых, технику сбора даточных и вольницы и правила формирования полков⁴.

К весне 1700 г. было набрано 10.727 даточных, 11.787 вольницы и деньгами 50.055 рублей.

По мере набора даточных и вольницы из них формировались полки, которые назывались «новоприборными тысячными полками», хотя фактически состав их превышал 1000 человек. О составе и вооружении новоприборных полков дает полное представление следующая отписка в делах комиссии Генерального двора: «А начальных людей в те полки к полковником довелось: подполковник, майор, 9 капитанов, капитан-поручик, 11 поручиков, 12 прaporщиков, полковой обозный, полковой писарь, 36 сержантов, 12 каптенармусов, 12 подпрапорщиков, 48 капралов, 12 ротных писарей». Сержантов, подпрапорщиков, каптенармусов и др. «нижних чинов» полковникам «велено выбрать из рядовых солдат». После этого в полку оставалось по 986 рядовых, по 48 сиповщиков и барабанщиков. Солдаты полностью вооружались за счет государства. Каждый солдат получал по фунту пороха и свинца, фузую с багинетом (1152 на полк), лядунку, суму, багинетные «пясмы», офицеры — полуушки или алебарды. Каждый полк получал полковое и ротные знамена⁵.

¹ Желябужский, стр. 150.

² Описание документов и бумаг, хран. в Моск. Архиве Мин. Юстиции, т. V, прил. стр. 4; далее Описание.

³ Полное Собрание Законов, т. III, № 1820.

⁴ Описание, стр. 309—41.

⁵ Описание, стр. 21.

Следует считать ошибочным утверждение военных историков (Гудим-Левкович, Масловский и др.), что новоприборные полки включали якобы по 10 рот (9 фузилерных и 1 гренадерская). На самом деле полки были сформированы в 12-ротном составе, чем, вероятно; предусматривалась необходимость приравнивать их по силе шведским пехотным полкам, также состоявшим из 12 рот каждый.

Дела Генерального двора позволяют также точно установить, что с самого момента возникновения русская регулярная пехота была вооружена фузеями и багинетом, а не пикой — оружием пехотинца XVII столетия.

Перед нами, таким образом, в известных отношениях типичная картина набора даточных и вольницы «из всякого чина людей», как он производился в XVII столетии. Как источник пополнения армии призыв даточных в 1699 г. сохранил еще многие черты старых наборов: сохранялась неравномерность повинности, сложная дифференциация духовных и светских землевладельцев на различные категории (по указу 1699 г. 8 основных категорий) с разными «нормами» поставки даточных. Сохранялась и двойственность источников и методов комплектования (даточные, вольницы), причем вольницы было набрано больше, чем даточных. Неправ поэтому Д. Масловский и др. военные историки, которые полагали, что в 1699 г. переход к рекрутской системе был уже осуществлен. Но набор 1699 г. выявляет и ряд новых элементов, характеризующих начало перехода к рекрутской системе. Даточные призывались в армию регулярную, ча постороннюю службу в солдатские полки. Набор осуществлен не старыми приказами, а особой комиссией, сосредоточившей в своих руках все дело формирования армии. Солдаты получали от казны единообразное вооружение и снаряжение и немедленно обучались строю по единому строевому уставу. Полки были сведены в 3 дивизии или «генеральства». Это была, следовательно, новая регулярная пехота солдатского строя.

В момент набора «прямого регулярного войска» задача строевого обучения солдат и офицеров, естественно, выдвинулась на первый план. В XVII столетии в русской армии постоянного строевого обучения пехоты и кавалерии не существовало. Более или менее правильно обучались строю в конце XVII ст. московские выборные солдатские и отчасти стрелецкие полки. С другой стороны, не существовало и единого строевого устава, обучение велось по обычью и во всем зависело от знаний и добросовестности офицеров. Первые регулярные полки обучались также на основе обычных строевых правил. Еще в мае 1698 г. А. М. Головин писал Петру за границу: «А что ваша милость писал о учении строю, как ходят, и за эту ведомость благодарю, а что в ученье и ходьбе, то дело непостоянное, для того, что кладется на произвол региментара»¹. В мае 1699 г. набраных в ученье солдатскому строю стольников обучали уже по артикулу. Собрав будущих офицеров в Преображенском, А. Головин «велел (их) становить шеренгами, и проучил по артикулу сначала два тенпа»². Точно так же «новоприборные тысячиные полки» обучались уже по артикулу, т. е. по единным строевым правилам. В наказе Репину велено было вновь набранные полки передавать начальным людям «к солдатскому строю учить». В ежедневных отписях полковников новоприборных полков указывалось: «прислано для ученья солдат (столько то)». Обучение строю и ружейным приемам производилось ежедневно по два раза — утром и вечером. Сообщая Петру в апреле 1700 г. об очередном учении, А. Головин писал: «Солдаты зело меня обвеселили, и стрельба была изрядная»; в другой раз — «было ученье и стрельба всем полком»³.

¹ Цит. по Азанчевскому, История Преображенского полка, прил. 20 «е».

² Желябужский, стр. 142.

³ П. и Б., I, стр. 814, 815.

В июне 1700 г. велено было починить «5000 тульского ружья, которое было в раздаче для учения новоприборных солдат»¹.

Переход к обучению пехоты по единому строевому уставу несомненно составил важную веху в развитии регулярной армии: впервые в истории русского войска в основу строевой подготовки были положены единые, общие для всей армии правила. Здесь уже заключалось зерно новой тактики пехоты, т. к. она обучалась не только перестроениям, но и современным приемам стрельбы в боевом порядке и приемам с багинетом. Исключительная простота и несложность строевого устава 1699 г. позволила в короткий срок, отделяющий момент набора полков от начала Северной войны, добиться хороших результатов в обучении солдат. Строевая выучка регулярной пехоты перед Нарвским походом оставляла благоприятное впечатление у наблюдателей. Так бар. Ланген доносил Августу II, что он нашел в Москве перед началом войны до 40.000 превосходной пехоты, люди все рослые, молодые, хорошо обмундированы и обучены, искусные в стрельбе.

Война показала, что степень строевой выучки далеко еще не определяет боеспособность армии.

4. Другие роды войск (кавалерия, артиллерия) перед Нарвой.

Начало реорганизации военного аппарата

Петр начал реформу армии с преобразования пехоты как главного рода войск. Однако, до начала Северной войны были предприняты и первые шаги по устройству регулярной кавалерии и реформе артиллерии.

В ноябре 1698 г. «в Преображенском записывали в драгуны детей боярских и князей небогатых, прибирали их в роты»². В течение 1699 г. А. Головин по указу Петра сформировал четыре первые драгунские роты. В начале 1700 г. в связи с подготовкой к войне решено было сформировать два драгунских полка. В феврале Головин набрал «к старым и четырем восьмь рот» драгунов, «ружье им раздал и стал учить»³. К августу 1700 г. в составе полка было 1042 человека — 928 рядовых, полковник А. Шиевец, майор, 12 капитанов, 17 поручиков, по 12 прaporщиков и подпрапорщиков, 24 сержанта, 36 капралов и др. Почти все офицеры были русские (все капитаны, 13 поручиков, 10 прaporщиков и т. д.). В январе 1700 г. А. Вейд и Ф. Головин сформировали второй драгунский полк «из недорослей, которые к службе послели, а не написаны»⁴. Второй Преображенский драгунский полк также состоял из 12 рот (около 800 рядовых); офицерами, кроме полковника Е. Гулица и 4—5 других иностранцев, были назначены русские дворяне⁵. Одновременно заготовлялось драгунское оружие и снаряжение. 23 марта 1700 г. А. Головин сообщал Петру о том, что им заказаны драгунские седла и палатки. В июне Ф. Головин приказал «в поле генерала Ад. Ад. Бейта, на дачу его полку драгуном, сделать в Оружейной палате тысячу сабель с железными крыжами и с оправой и с ременным поясем из готовых полос, каковы делаены на перед него на дачу драгунам же в полк генерала А. М. Головина»⁶. Следовательно, оба полка были вооружены одинаковыми казенными саблями. Драгуны были вооружены также фузеями, а часть пиками. Офицеры имели предохранительные доспехи (латы, шишаки).

¹ Сборник Есипова, т. I, стр. 183.

² Желзбужский, стр. 128.

³ Письма к Петру 28 февраля и 6 марта 1700 г. кн. Н. Вольнского. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, вып. I, стр. 2.

⁴ Описание прил., стр. 7.

⁵ Н. Вольнский, стр. 3—11.

⁶ Сборник Есипова, т. I, стр. 183.

Нельзя не оценить значения того факта, что из всех многообразных типов кавалерии, существовавших в армиях того времени, счасти и в русской армии (рейтары, кирасиры, гусары, драгуны), выбор Петра остановился на коннице драгунского типа, которая могла сражаться «смотря по обстоятельствам, то как пехота, то как кавалерия» (Энгельс)⁷ и, как показала практика, в тактическом отношении наиболее соответствовала особенностям будущего театра военных действий и условиям войны в целом.

Абсолютно не отвечает действительности утверждение о том, что только нарвская неудача заставила Петра задуматься над реконструкцией артиллерии. Помимо заказа новых орудий за границей и широкого изучения артиллерийского дела в Европе, уже с 1697 г. делаются первые попытки изготовления пушек нового образца внутри страны. Находясь за границей, Петр напоминал П. Апраксину о «новых пушках», требуя «немедленно оные сделать»⁸. В апреле 1698 г. пушечный мастер Мартын Осипов «вылил на Пушечном дворе два мозжера на медных досках по новому немецкому обрасцу и по чертежам»⁹. Пушки нового образца производились в это время на Тульских заводах, старом и новом («полевом») Пушечном дворе в Москве¹⁰. Петр лично руководил делом, выдвигая на первый план задачу усовершенствования артиллерии. В этом отношении интересны указания Петра А. Виниусу (письмо от июня 1699 г.): «Ствольных мастеров крепосных вели взять. А что стволы на колесах, и то самая старая мода и нигде не употребляется»; далее Петр дает указания об изготовлении железных кованых пушек по калибу, «из которых готовыми кожаными патронами возможно на всякую минуту 10 раз выстрелить, а тяжестью не будут тяжелы 10 стволов...». «Здесь я нашел мастера в артиллерии русского, — пишет Петр Апраксину, — и как отдалаца в артиллерии, привезю его к вам»¹¹. В 1700 г. во главе Пушкарского приказа (с 1701 г. Приказ Артиллерии) впервые за все времена его существования был поставлен человек, получивший артиллерийское образование — Александр Арчилович.

К Нарвскому походу все солдатские полки были снабжены полковыми пушками. В составе осадной артиллерии под Нарвой было небольшое количество «вновь отлитых мортир»¹². К Нарвскому походу были изготовлены первые экземпляры зарядных ящиков на колесах, «в чем восят пушечные картузы», и 10 000 артиллерийских трубок; это значит, что мысль о скорострельности и подвижности артиллерии пытались в какой-то мере осуществить перед войной¹³.

Конечно, это были лишь первые попытки, и артиллерия под Нарвой была весьма устарелой. Достаточно указать, что она включала до 15 типов орудий, в том числе, как вспоминал в 1720 г. Петр, «одна — Единорог, другая — Лев или Медведь, третья без имени, только лил ее Богдан, все старые..., мортиры, которые литы на Руси за сто лет и старее»¹⁴.

До постройки Олонецких, Уральских и др. заводов старые заводы не могли обеспечить полную техническую реконструкцию артиллерии. Однако ряд новых явлений в этой области свидетельствует о том, что задача реформы артиллерии была поставлена до Нарвы. Начато производство орудий нового типа; готовившиеся своим артиллерийским техникам

¹ П. и Б., I, № 232.

² Сборник Есипова, стр. 164, т. I.

³ Н. Бранденберг, «Материалы по истории Артиллерийского управления в России». СПБ. 1876, стр. 10—22.

⁴ П. и Б., том I, №№ 326, 271.

⁵ Письмо Лангена к Паткулю, Устрялов, т. IV, прил. 2.

⁶ П. и Б., стр. 806, 817.

⁷ Письмо Б. Куракину, Архив Куракина, т. I, стр. 24.

инженеры; изучалось артиллерийское дело за границей; приглашались иноzemные пушечные мастера и т. д. Осуществление всех этих мероприятий юбилегчило быструю и успешную реконструкцию артиллерии после Нарвы в ходе войны.

В 1700 г. началась частичная перестройка старого военного аппарата. Иномезский и Рейтарский Приказы были слиты в особый Приказ (с 1701 г. официально названный Приказом Военных Дел) во главе с генерал-комиссаром Я. Ф. Долгоруким. По указу 18 февраля 1700 г. генерал-комиссар должен был ведать «Генералов и полковников и иных нижних чинов начальных людей, иноzemцев и новокреценов, и русских, и копейщиков, и рейтар, и солдат, и всяких чинов ратных людей сухова пути»¹. Таким образом, управление всеми ратными людьми, независимо от чина, подданства и рода оружия, было сосредоточено в одном Приказе, что являлось очень важным шагом по пути унификации армии и усиления средств и возможностей центрального военного аппарата. Централизуется также интендантская служба мирного времени. Назначенный Генерал-правицом С. Н. Языков должен был ведать «все хлебные запасы сбором и дачею, на Москзе и в городах»². Наконец, дела Пушкарского приказа были переданы царевичу Александру Арчиловичу, с наименованием его Генерал-фельдцехмейстером.

Внутреннее устройство Приказов оставалось без изменений, и главный смысл преобразований заключался, повидимому, в усилении централизации военного управления в наиболее важных его частях.

5. Нарва и ее уроки. Создание регулярной кавалерии и артиллерии

Война явилась не только величайшим испытанием всех сил «подымавшейся нации» (Энгельс), но и боевой школой ее молодой регулярной армии. В Северной войне русская армия столкнулась с армией регулярной, искусной и испытанной в боях, имевшей славу «непобедимой» и сложившейся уже на прочных исторических традициях. В то же время русская армия переживала период реорганизации; она еще не сложилась, как армия регулярная, и не успела выработать в своем развитии все те черты, сумма которых превращает армию в законченный и стройный организм. Ход исторических событий привел к тому, что организация русской регулярной армии завершилась в условиях войны.

Нарва 19 ноября 1700 года подвела своего рода итог всей предшествующей деятельности Петра Великого по реорганизации вооруженных сил страны. Поражение под Нарвой было крупной неудачей, но не разгромом армии.

Расположение войск под Нарвой (выдвижение на фланги лучших солдатских полков и гвардии), укрепление лагеря циркум- и контр-валационной линией, несомненно, оказали влияние на исход сражения. Несмотря на сдачу главнокомандующего русской армии герцога де-Кроа и группы иноzemных генералов и офицеров, несмотря на внезапность нападения и все неблагоприятные для русских условия боя, Карл XII не мог уничтожить русскую армию под Нарвой.

После прорыва центра, шведы, как известно, встретили сильное сопротивление на левом фланге (под командованием А. Вейде) и особенно упорное на правом, где находились под командованием А. М. Головина гвардейские полки. Гвардия до поздней ночи успешно отражала атаки шведов, нанеся им серьезные потери. Об упорстве, проявленном гвардией и полками А. Вейде в неизмеримо трудной обстановке боя, сложившейся после сдачи де-Кроа и других офицеров-наемников, можно судить как по длительности сражения, так и по цифрам потерь убитыми солдат

и офицеров (до 6—7 тысяч человек)¹. Под давлением этих обстоятельств Карл XII вынужден был согласиться на известный «аккорд» с русскими военачальниками, по которому армия получила право отхода с личным оружием, знаменами и обозом, но оставляла всю артиллерию. Из 29—30000 состава армии под Нарвой в Новгород явилось около 23 000 человек. Мужественная борьба лучшей части армии — гвардейских полков — спасла большую часть ее живой силы.

Гений Петра Великого как полководца и военного реформатора сказался в быстрой и точной оценке обстановки, характера своего противника, основной причины нарвского поражения и в определении вытекающих отсюда как военных, так и военно-организационных задач.

Петр максимально использовал благоприятно сложившуюся для России в ближайшие годы после Нарвы международную и военную обстановку.

«Король английской умре, — писал он Ф. М. Апраксину из Архангельска 5 июня 1702 г. — Смертию бывшего короля зело великая премеха учинилась: война общая зачалась...» В письме к Б. П. Шерemetеву Петр вновь возвращается к этой теме, подчеркивая значение сложившейся обстановки: «Война у голанцов и прочих с французом зачалась. Изволь ваша милость рассудить нонешний случай, как увяз швед в Польше, что ему не только сего лета, но чаю ни будущего возвратиться не можно»².

То, что в Европе началась затяжная война, а «швед увяз в Польше», давало в руки Петра самое сильное и необходимое оружие — время.

Основную причину нарвского поражения Петр видел не в ошибках военного руководства, а в неискусстве молодой армии, в отсутствии боевого опыта и вытекающем отсюда превосходстве противника. — «Шведы под Нарвой над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно, но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили? — ибо только один старый полк Лефортовский был... 2 полка гвардии только были на двух атаках у Азова, а полевых боев, а начиная с регулярными войсками никогда не видали. Прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, самые были рекруты... Словом сказать, все то дело яко младенческое играние было, а искусства — ниже вида»³.

Что Петр думал так не много лет спустя, когда составлялся его Журнал, а сейчас же после Нарвы, свидетельствуют все его мероприятия в ближайшие годы после памятной даты. — «Когда сие несчастье (или лучше сказать великое счастье) получили, тогда неволя лень отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила».

Война выдвинула на первый план задачу перевооружения армии, ее воспитания и боевой закалки, задачу овладения полевой тактикой и осадным искусством в борьбе с регулярной армией противника, причем для успеха войны следовало добиться в конечном счете тактического превосходства своей армии над армией врага. Именно то обстоятельство, что Петр, не прекращая работы над дальнейшим усовершенствованием организационных форм армии, системы комплектования и строевого обучения войск, разработки уставов и проч., выдвинул на первый план задачу технического оснащения армии на базе растущей военной промышленности, тактического обучения и боевого воспитания войск, — и обеспечил дальнейшее развитие армии и превращение ее не по форме только, а по существу, и во всех звеньях, в армию регулярную.

Недостаток вооружения и отсутствие боевого опыта ограничивали в начале войны наступательную силу армии. Проявляя в связи с этим

¹ Журн. или поденная записка Петра Великого, ч. I, стр. 24.

² П. и Б., том II, №№ 434, 442.

³ Журн., ч. I, стр. 25—26.

¹ Полное Собрание Законов, т. III, №№ 1766, 1859.

² Полн. Собр. Законов, т. III, № 1764.

стратегическую осторожность (дело шло о выигрыше или проигрыше войны, о судьбе отечества), Петр воспитывает армию в духе решительной, смелой и умелой тактики. Уже вскоре после Нарвы Петр требует от Шереметева и Репнина действовать не только оборонительно, но и наступательно, и при этом действовать в каждой операции «как случай покажет», ибо «оружие без употребления ничто суть»¹.

Процесс наращивания тактических средств и искусства армии после Нарвы нельзя объяснить, не поняв этой точки зрения великого полководца, этого сознательного стремления изо дня в день поднимать ступенькой выше воинское мастерство и дух армии, привить ей то искусство войны, которое под Нарвой оказалось «ниже вида».

* * *

После Нарвы на место дворянской конницы создается регулярная кавалерия драгунского типа.

В декабре 1700 г. Казанскому и Астраханскому воеводе князю Б. А. Голицыну было поручено составить роспись всех рейтар и копейщиков (включая и недорослей), выбрать из них лучших и сформировать драгунские полки. Драгун выбирали по всей территории государства². Для переписи и привода людей в Москву по городам были разосланы стольники, стряпчие и жильцы. По перелиси в 88 городах оказалось: копейщиков — 1850, рейтар — 16.796, недорослей — 8.599, а всего 27.245 человек, из них 604 ч. были негодны к службе, призвано и велено явиться в Москву к 25 марта 1701 г. — 11.147 ч., а остальные зачислены в драгуны 2-й статьи и оставлены до вызова. Б. А. Голицын расписывал драгун по ротам, сводил эти роты в полки и передавал их полковникам, выбранным им же из стольников³. Всех драгун велено было «службою, судом и управою ведать в Золотой Палате боярину кн. Б. А. Голицыну»⁴. Но это мероприятие было переходным, обусловленным экстремальными обстоятельствами набора драгунских полков. Уже в марте 1702 г. драгунские полки были переданы из ведения Золотой Палаты в Приказ Военных Дел.

К весне 1701 г. был сформирован в 10-ротном составе драгунский полк С. Кропотова, который немедленно выступил из Москвы в Новгород. До середины июля было сформировано еще 8 драгунских полков в 10-ротном составе каждый. Офицерский состав полка включал: 1 полковника, 10 капитанов, 10 поручиков, 10 прапорщиков. Для фундаментальной подготовки кавалерийских офицеров из недорослей был организован «малолетний драгунский полк».

Набор драгунских полков в 1701 г. исключительно из дворян объяснялся только условиями момента. Уже в феврале 1702 г. Б. П. Шереметев просил у Петра разрешения пополнить драгунские полки до тысячного состава новоприборными солдатами и казаками. Представление Шереметева было одобрено, и с этого времени драгунские полки все более пополняются конными даточными, а затем и рекрутами.

«Регулярность» драгунских полков в самом начале их существования выразилась не только в единобразии их строевой организации, но также в том, что драгуны, в отличие от старопоместной конницы и конницы «иноzemного строя» XVII ст., получали лошадей, оружие и снаряжение от военного ведомства. В 1701 г. из Ближней канцелярии было отпущено Золотой Палате 100.000 рублей на покупку лошадей «для Святской службы», а всего в 1701—1704 гг. на покупку драгунских лошадей было израсходовано 156.282 рубля⁵. На заявке Б. П. Шереметева

от февраля 1702 г. о необходимости для драгун оружий и снаряжения Петр написал: «Драгунам по росписи все пошлется, а медлилося за исправлением»⁶. В конце 1702 г. в драгунских полках «зимен, барабанов, ружья, драгунских лошадей и всяких полковых припасов» по отписке из армии было «спасено»⁷. Из упомянутых документов видно, что драгуны были вооружены фузей с багинетом, саблей и парой пистолей в ольстраках.

Главная трудность заключалась в отсутствии опытных, обученных драгунском строю офицеров. В июне 1701 г. Шереметев жаловался Петру, что в драгунских полках «из начальных людей нет никого, кто бы знал строй драгунский». Командиры первых двух драгунских полков были пехотные полковники, и один из них, Е. Гулица, отстранен от командования Шереметевым — «лучше ему быть у пехоты». Командиры новоприборных полков также не имели опыта. На представлении Шереметева о замене полковника Н. Мещерского Петром написал: «Князь Никита такой же, как и другие, ничего не знают»⁸. Боевую и строевую выучку драгуны проходили в ходе войны, но это был медленный и трудный процесс. Так еще в 1705 г. «несчастный случай» у Мур-Мызы по оценке Петра «учинился от недоброго обучения драгун».

И все же новая организация кавалерии не только несла в себе зародыш ее развития, но и дала осязательные результаты вскоре после создания драгунских полков. При первой же боевой проверке драгуны обнаружили лучшие качества, нежели старопоместная конница. 4 сентября 1701 г. шведский отряд Розена был наголову разбит драгунами Мих. Шереметева у Мызы Ряпиной. Драгуны успешно действовали в рейдах М. Шереметева, Корсакова и др. в сентябре—ноябре 1701 г. Большую роль сыграла драгунская конница в сражениях у Эрестфера и Гумельсгофа⁹.

В ходе этих операций вырастал и получал боевую закалку офицерский состав регулярной кавалерии. В 1702 г. в 9 драгунских полках числилось: 10 полковников (из них только 2 иноzemца), 10 подполковников (1 иноzemец), 10 майоров (1 иноzemец), 309 ротных офицеров и 901 урядник (сержанты, подпрапорщики, капраны и др.) — все ротные офицеры и урядники — русские¹⁰.

* * *

— «Как возможно, для бога, поспешайте артиллерию. Бурмистрам скажи, чтобы дали деньги не медля, и для уверения покажи сие письмо им», — писал в апреле 1701 г. Петр А. Виниусу, назначенному после пленения Александра Арчиловича под Нарвой «надзирателем артиллерии»¹¹.

Потеря всех артиллерийских орудий под Нарвой явилась тяжелым ударом для армии, но вместе с тем она ускорила реформу артиллерии. Петр уделял артиллерию и до Нарвы, и особенно после нее, исключительное внимание. В момент тяжелых испытаний он проявил огромную энергию в деле перестройки артиллерии, глубокое знание современной артиллерией теории и практики и не менее глубокое понимание значения артиллерии и ее тактики в современной войне. Петра Великого можно смело назвать не только создателем регулярной, технически современной артиллерии, но и первым выдающимся русским артиллериистским инженером.

Регулярная артиллерия, как она сложилась к концу реформы, возникла не сразу. Первые партии новых орудий изготавливались на старой

¹ П. и Б., том II, № 429.

² Полное Собрание Законов, т. III, № 1869.

³ Волынский, ч. I, стр. 19—20.

⁴ Полное Собрание Законов, № 1869.

⁵ Волынский, ч. I, стр. 26; Милюков, Госуд. хозяйство, прил. 3.

⁶ П. и Б., II, № 408.

⁷ Кабинет Петра I, Отдел II, д. 2, л. 268.

⁸ П. и Б., II, № 408.

⁹ Походный журнал Б. П. Шереметева. Материалы воен. учен. архива, т. I.

¹⁰ Кабинет Петра I, Отд. 2, д. 2, л. 962.

¹¹ П. и Б., т. I, № 369.

производственной базе и старыми, в большинстве русскими, мастерами, среди которых мы встречаем имена известных русских пушечных мастеров — Якова Маторина, Мартына Осипова, Семена Леонтьева, Логина Жихарева и др.¹. Силами этих мастеров к концу 1701 г. было выпито:

Тип орудия	Калибры	Количество
Пушки	24 ф.	36
"	18 ф.	32
"	12 ф.	22
"	8 ф.	34
"	3 ф.	109
Мортиры	9 п.	6
"	1 п.	6
Гаубицы	20 ф.	4
"	1 п.	9
Всего		268 ²

Все пушки литья 1701—1702 гг. были медные (красная медь с примесью колокольного сплава).

Устраивая новую артиллерию, Петр обращался прежде всего к техническому опыту русского артиллерийского производства. В этом отношении характерна заметка в его записной книжке 1701 года: «Сыскать русской вес из свинцовых ядер»³. С другой стороны, претворяется в жизнь идея перестройки артиллерии на новых технических современных основаниях. Во главе артиллерийского производства поставлены люди, выдающиеся по своему техническому образованию, знатоки артиллерийского дела — А. Виниус и Брюс (последний с 1700 г. генерал-майор артиллерии, с 1704 г. генерал-фельдцехмейстер). В мае 1701 г. Петр отдал распоряжение Виниусу: «инженерам вели быть при артиллерию»⁴. Об участии иноземных инженеров в реконструкции артиллерии после Нарвы упоминает Посошков («Записка о ратном поведении»). В том же году в Преображенском была основана Артиллерийская лаборатория, в которой работали Я. Гошке, В. Корчмин и др.

Внимание Петра к артиллерию не ослабело и в следующие годы. В Записных книжках, фрагментарные записи которых отражают повседневные заботы Петра, постоянно встречаются записи звоне следующих: «О образцах в Сибирь пушкам, также и на Пущечный двор», «Сделать образец картечи 24—12 фунтовым», «Бутенанту о пушках, ядрах, бомбах и проч.», «О отведывании гоубицы новым маниром» и т. п.⁵. Полковник артиллерии (с 1702 г.) Я. Гошке обращался к Петру как к авторитетному знатоку артиллерийской техники. В одном из писем Петру Гошке сообщаёт об изготовлении им (вероятно, по поручению Петра) двух моделей мортир, одну к такой мортире, какую Петр перед тем «литъ милостивейше изволил». — «другая же моделя по моему образцу сделана, как два

¹ Н. Бранденбург. Исторический каталог. СПБ. Арт. Музея, ч. 2, вып. 1, стр. 112. П. и Б., I, стр. 852—853. В письмах к Петру А. Виннус объяснял защерджки в литье пушек «неискусством и пьянством» некоторых мастеров и русских и немецких, но Бранденбург основательно думал, что Виннус хитрил, увеличивая трудности, из-за которых ярче должны выступать его собственные заслуги. Жалобы Виннуса безусловно противоречат его же отзывам о высоких качествах новых пушек.

² Кабинет Петра I, отд. I, д. 37, л. 382.

3. П. и Б., II, № 613.

⁴ П. и Б., I, № 374.

⁵ П. и Б., II, №№ 612, 614.

мортира на одной телеге удобно везены и с пользой употреблены имеют быть». «Высокопремудро рассудить можете,— заканчивает Гошке письмо.— которой из сих обоих образцов потребнейше есть...»¹.

Главные технические итоги, характеризующие переворот в артиллерийском деле, можно определить следующим образом: 1) хотя шкала калиброз введена в 1707 г., но итоговые данные артиллерийского производства за 1701 и следующие годы показывают, что уже в это время были установлены определенные калибры для всех типов орудий, причем в строго ограниченном числе для каждого из них; 2) установлены технические данные и начато производство трех типов орудий — пушек, мортир и гаубиц.

Дальнейшие успехи количественного и качественного роста артиллерии связаны с быстрым ростом военной промышленности, в частности, с разведкой и промышленным освоением новых железорудных районов, содержащих высококачественное железо, пригодное для производства орудий. Уже 25 октября 1702 г. Виниус сообщал Петру из Тобольска: «вылита из невиданного еще железа на пробу первая пушка,— «чаяю не плоше, если не лучше медной будет»². К весне 1703 г. Виниус обещал отливать на «сибирских заводах» более 100 пушек, мортир и гаубиц, устроить еще 2—3 завода, с 10 домами. В 1703 г. уральские пушки получили уже общее признание. «Англичане зело сибирские пушки взлюбили и железо хвалят: лутче де гишпанского, и просят одной пушечки для образца»³.

Промышленное освоение уральских руд произвело фактически в условиях России целый переворот в оружейном производстве. Исчезла зависимость от наличия запасов меди (всегда ограниченных и дорогостоящих) и в перспективе на целый исторический период зависимость от импорта оружия из стран Западной Европы. Это имело огромное значение и в успехе военной реформы Петра и в успехах русского оружия на протяжении всего XVIII столетия.

Вторым крупным центром артиллерийского производства становится в эти годы Олонецкие заводы. Только по одному заказу в январе 1702 г. велено на этих заводах выпить 100 железных 12-ф. пушек и по 1000 ядер к ним⁴. Расширялось артиллерийское, а с 1702 года и оружейное производство и в старых железнодорожных районах (Тула, Устюжна и др.). Так, в 1701 г. изготовлено «тульского дела» 900 фузей и 500 багинетов, в 1702 г.— 4100 фузей, 9000 фузейных стволов и 10.000 багинетов, в 1703 г. «тульского и устюжского дела» 15.000 фузей, 2500 фузейных стволов и 10.000 багинетов и т. д.⁵.

Переломным годом насыщения армии артиллерией явился, повидимому, 1703 год. Еще в марте этого года Петр жаловался Ромодановскому на «великую недовозку артиллерии», на то, что Виниус опять «отпотчывал московским часом». В феврале 1704 г. в резерве Приказа Артиллерии имелось: 108 пушек, 55 мортир, 131.216 ядер, 10.000 бомб, 92.290 ручных гранат и т. д.

Одновременно с технической реконструкцией артиллерии было положено начало подготовки образованных артиллеристов: в 1701 г. в Москве

¹ Кабинет Петра I, отд. II, д. 1, л. 622.

² Устрилов, т. IV, ч. 2, прил. 2, 155.

³ Гл. о Б., т. II, стр. 469.

⁴ Устрилов, т. IV, ч. II, прил. 1, 31.

⁵ Кабинет Петра I, отд. I, л. 37, лл. 23—28. Выписка Ближней канцелярии «О рос-

С. ВЛАДИМИР САУМОВИЧ

основана Артиллерийская школа¹. Личный состав артиллерию пополнялся выпускниками этой школы и вырастал в практической боевой школе.

Техническая реконструкция, качественный рост артиллерию не могли не вызвать на основе бывшего опыта соответствующих изменений в ее организации и тактике. В первые же годы войны определилось четкое разделение артиллерию на легкую полковую, полевую, осадную и гарнизонную. Падение Ниеншанца, Нотебурга, Нарвы и Дерпта в значительной мере было обеспечено силой артиллерийского огня и умелыми действиями артиллериистов. В марте 1705 г. Чарльз Витворт доносил своему правительству, что русская артиллерию «в настоящее время замечательно хорошо устроена... Под Нарвой русские обращались с пушками и мортирами с таким уменьем, какого он (фельдмаршал Огильви) не встречал ни у одного народа»².

Большой интерес представляет также развитие полковой и полевой артиллерию. Нельзя не отметить здесь ряд важных сдвигов, характеризующих зрелость русской артиллериейской мысли и оригинальность, которую она обнаружила в решении организационных и тактических задач артиллерию в первые годы реформы. Любопытную картину зарождения новых идей в этой области воссоздают лаконичные заметки записных книжек Петра 1701—1702 гг.—«О учении пушкарей в цель и скорой стрельбе», Кошке (Гошке) «О ежеминутных пушках для скорой стрельбы», «О важении наперед полковых пушек» и т. д.³ Требовалось, конечно, время для «коммажения» артиллерию, подготовки пушкарей, изучения опыта войны и пр., чтобы эти первоначальные зародыши новых идей могли быть осуществлены в практике. Развитие тактики полевой артиллерию представляет более сложный процесс, поскольку оно зависит от таких факторов, как подвижность орудий, их вес и конструкция, степень выучки артиллериейской прислуги и пр. Однако, и в этой области в первый период реформы были получены немалые результаты, подготовившие торжество русской артиллерию под Лесной и Польтавой.

В 1701 г. был образован артиллериийский полк под командованием полковника артиллерию, со своими подполковником, майором, адъютантом, квартирмейстером и др. чинами. В полку были: рота понточная, рота пеонирская (которая «дороги чинит, мосты мостит, гати гатит»), 4 роты пушечных с 12 бомбардами, 92 пушкарями и их товарищами. Кроме того, в полку было 5 инженеров, 2 огнестрельных мастера, кузнецы, котесники, плотник и др. мастера с подмастерьями⁴.

Еще в 1701 г. некоторые драгунские полки были снабжены артиллерийскими орудиями (полк Ф. Новикова 4 мортиры, полк С. Кропотова 8 мортир) и «малыми мортицами». В 1702 г. все драгунские полки получили гаубицы. На представление Б. П. Шереметева от 6 февраля 1702 г.—«Все полки драгунские надобно по гаубицам»—Петр наложил выразительную резолюцию: «Делают». В 1703 г. в 9 драгунских полках было 24 гаубицы и некоторое количество «малых мортиц».

Таким образом, утверждение немецких военных историков, что создателем конной артиллерию был Фридрих II, противоречит историче-

¹ В школе училось: в 1701—180 ч., в 1702—200 ч., в 1703—250 ч. Н. Бранденбург. Материалы по истории артиллериийского управления, стр. 241—242. Первая артиллериийская школа в Западной Европе возникла во Франции в 1690 г.

² Сборник Русского Исторического Общества, т. XXXIX, стр. 57.

³ П. и Б., II, №№ 612, 701.

⁴ Кабинет Петра I, стд. 2, д. 1, л. 840—841. Многочисленные указания военных историков на создание артиллериийского полка в 1700 г. не подтверждаются никакими данными.

⁵ П. и Б., II, № 409.

ским фактам. Фридрих заимствовал идею конной артиллерию у русских во время Семилетней войны, но Дельбрюк этого «не заметил»¹.

С 1701 г. в русской артиллерию находит все более широкое применение картечь. С 1702 г. полевая и полковая артиллерию снабжается зарядными ящиками—повозками на 2-х и 4-х колесах, с готовыми зарядами. Наконец, в 1705 г. по инициативе Петра осуществлено мероприятие, значение которого в истории артиллерию трудно переоценить: прислуга артиллериийского обоза из гражданского населения была заменена солдатами². С введением зарядных ящиков и организацией артиллериийского обоза на новой основе, русская артиллерию намного опережала артиллерию западных армий, где аналогичный переворот произошел не ранее середины XVIII столетия.

6. Военно-инженерное и осадное искусство (1700—1705 гг.)

По мнению Ласковского, со времени Азовских походов, «русские несколько не подвинулись вперед на пути образования по инженерной части», и осадные операции 1700—1705 гг. «не внесли ничего нового» в развитие военно-инженерного искусства русской армии, наоборот, война тормозила это развитие³. Однако, факты противоречат этой точке зрения. В своем исследовании Ласковский изучает лишь осадные операции, не касаясь вопроса о новых явлениях в развитии оборонительной полевой фортификации.

Применение военно-инженерных средств требует не только специальных знаний и опыта в этой области, но и сравнительно высокого развития военной техники. Естественно, что для освоения современного инженерного искусства потребовалось много времени и усилий, но мы видели, что эта задача была поставлена еще в Азовских походах. В неудачной осаде Нарвы 1700 г. можно отметить уже некоторые новые явления. Прежде всего, была произведена инженерная разведка Нарвы. Это поручение выполнил Василий Корчмин.—«Накажи ему дело сыскать,— писал Петр А. Головину,— чтобы он присмотрел город Нарву и место кругом также, чтобы побывал в Орешке... А место тут зело нужно: проток из Ладожского озера в море (посмотри карту) и зело нужно для задержания выручки»⁴.

Инженерными работами под Нарвой руководил специалист инженер Аларт. В ходе осады велись три атаки—действительная, ложная и воспрепятствующая (на Ивангород). Возведены циркум- и контр-валационные линии. Осада Нарвы (в сравнении с Азовской 1696 г.) впервые велась по правилам современного осадного искусства. Но все дело в том, что знание правил еще не может спасти армию от поражения или неудачи. Отсутствие опыта инженерных действий, массового навыка солдат и офицеров в осадных работах нового типа, недостаток технических средств и отсталость артиллерию затянули осаду до глубокой осени, а поражение 19 ноября 1700 г. определило ее окончательную неудачу.

В 1702 г. инженерное и артиллериеское вооружение армии было обновлено и усилено. Приглашены новые инженеры (напр. Ламбер, участво-

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства, т. IV, стр. 248. В сэссе работе Г. Дельбрюк вообще игнорирует историю русского военного искусства, хотя для немецкого военного историка она должна была представлять в его годы актуальный интерес, а о степени его осведомленности в этой области можно судить по голословному утверждению, что в России, якобы, употребление пики в пехоте отменено в 1721 г. В шведских источниках Г. Дельбрюк мог бы легко найти точные сведения о времени зазоружения русской армии штыком.

² Для этой цели было набрано сначала 4.000, а потом дополнительно 2.000 рекрутов. Полн. Собр. Законов, том IV, №№ 2121, 2131; Голиков, том. II, стр. 146.

³ Ласковский, Материалы к истории инженерного искусства, ч. II, стр. 117.

⁴ 100-летие Военного министерства, том II, стр. 53.

вавший в осаде Нотебурга и Ниеншанца и награжденный русским орденом). Создана новая осадная артиллерия, понтонный парк. Построена флотилия речных судов. Взятие Нотебурга (Орешка) 6 октября 1702 г. явилось первой удачной осадной операцией регулярной армии.

Нотебург представлял собой довольно сильную крепость с каменными стенами в 4 сажени вышины и 2 сажени толщины, усиленными 7 башнями. Расположение крепости — на тесном островке Ладожского озера в истоке Невы — значительно осложняло осаду и штурм крепости. Гарнизон составлял 600 чел., а артиллерия 140 орудий. Крепость была снабжена всем необходимым для длительной обороны.

В конце сентября войска Шереметева были сосредоточены на левом берегу Невы против Нетебурга. Суда речной флотилии переташены в локом из Ладожского озера на Неву. 1 октября отряд охотников занял шведский редут на правом берегу Невы. Через реку возведен понтонный мост. Таким образом, по заранее намеченному плану крепость была блокирована. Благодаря этому попытка Кронгиорта окказать помощь осажденному гарнизону оказалась безуспешной. В течение 4-х дней закончены дежурные работы и возведены батареи на левом и правом берегах. Артиллерия «зело чудесно свое дело исправила», и ее интенсивный огонь подавил огонь противника, вызвал пожар в крепости и обвал двух башен. 11 октября после четырехчасового штурма, в котором особенно отличились полки гвардии, а из офицеров М. Голицын,— Нетебург пал. Осада продолжалась всего 15 дней¹.

После падения Ниеншанца принимаются меры инженерного обеспечения линии Невы. Восстанавливается и заново укрепляется Орешек (Шлиссельбург), на месте старого Ниеншанца возводится новая Петровопавловская крепость, в устье Невы на Котлин-острове строится крепость Кроншлот, укрепляются Ям и Копорье. Другими словами, в ходе военных действий осуществляется целая система военно-инженерных мероприятий оборонительного характера с применением новых методов военно-инженерного строительства. Разработка чертежей и макетов новых сооружений, осуществление всех работ происходили под руководством и при личном участии Петра, который принимал оригинальные и эффективные меры для ускорения работ (например, распределение бастионов между ближайшими своими сотрудниками, применение некоторых технических средств). Успешное отражение гарнизоном Кроншлота (генерал-майор Толбухин) морского десанта шведов, отражение попытки генерала Манделя захватить Петербург (Апраксин, Яков Брюс), т. е. комбинированного наступления шведов весной 1705 г.—полностью выявило эффективность военно-инженерных мероприятий Петра в 1703—1704 г.

В 1704 г. в течение 3—4 месяцев пали 2 мощные крепости — Дерп...
(Юрьев) и Нарва.

Дерпт был осажден 9 июня и взят штурмом 13 июня, причем фактически осадные работы были начаты 3 июня, когда в лагерь прибыл Петр, чтобы взять на себя руководство осадой, т. к. затягивание ее могло осложнить положение под Нарвой.

Более сложной была задача овладения Нарвой. Географическое положение крепости предоставляло противнику возможность поддержки ее с суши и с моря. Мощные фортификационные средства крепости усиливались артиллерией (свыше 600 орудий) с 300 артиллеристов и 4500 человек гарнизона во главе с опытным и решительным комендантом Горном.

гарнизона во главе с генералом А. С. Грибоедовым. Ход операции показывает значительный рост осадного искусства русской армии. Крепость заранее была блокирована с моря. 12 мая огнем артиллерийских батарей и действиями русского флота отбита попытка

шведского флота усилить гарнизон Нарвы. 30 мая крепость осаждена и немедленно начаты осадные операции. Высланный по направлению к Ревелю обсервационный корпус Ренна 15 июля разбил и отбросил войска Шлиппенбаха. Тем самым крепость была блокирована и с суши. Для предотвращения дальнейших попыток «сикурса» на берегу Нарвы был возведен, кроме того, отдельный редут, а через реку переброшен мост, обеспечивавший коммуникации армии и действия русской кавалерии.

Одновременно с устройством циркум- и контр-валационной линии начаты 3 атаки: главная на северную сторону крепости, вспомогательная — на Ивангород, и ложная — на бастионы Триумф и Фортуна. Подступы были открыты близко от крепостных стен, и это ускорило осадные работы, ход которых вообще затруднялся условиями местности.

О силе огня русской артиллерии можно судить по тому, что за время осады на крепость было выброшено 18.000 ядер и бомб. После того, как осаждающим удалось выбить противника из оврага, усиленного земляными укреплениями в 100 саженях ют крепостного вала, в ход была пущена полковая артиллерия, наносившая картечным огнем большой урон гарнизону Нарвы. 1 августа были частично разрушены башни Виктория и Гонор. Подступы подведены в непосредственную близость к стенам крепости. После отказа Горна сдать крепость на аккорд, 9 августа Нарва взята штурмом. На другой день капитулировал Ивангород. По словам Петра, «Нарву, которую 4 года нарывало, ныне, слава богу, прорвало...»¹.

В осадных операциях 1702—1704 гг. русская армия успешно овладевала методами взаимодействия всех родов оружия и современными военно-инженерными методами и средствами.

7. Боевая школа «малой войны». Зарождение новой полевой тактики

«Малая война» 1701—1705 гг. послужила первой ступенью той «трехвременной» школы, которую новая армия прошла в Северной войне.

Применение фузеи с баинетом, б-шереножный строй пехоты с соответствующими видами боевой стрельбы, действий конницы «малой грудью» с ведением ружейного огня в конном строю, недостаточная еще мобильность артиллерии в условиях полевых сражений,— таковы наиболее характерные моменты первого этапа развития полевой тактики. Задача заключалась в том, чтобы воспитать в армии твердую дисциплину боя, привить начатки «регулярной» линейной тактики, в частности, развить взаимодействие трех родов войск на поле боя. Эта задача в общем виде была осознана раньше, но опыт Нарвы выдвинул ее на первый план и потребовал ее практического решения в масштабе целой армии.

Проблема дисциплины боя (а также походной и караульной дисциплины), естественно, получала первостепенное значение. Она служит главной темой как весенных уставов этого времени, так и частных инструкций войскам. К сожалению, не сохранилась инструкция Петра войскам перед сражением 7 июля 1703 года с Кронтиортом. Но аналогичный документ 1704 г.— «Статьи во время воинского похода» А. Меншикова, с одобряющей надписью Петра: «Доброе учреждение войску», требуют, прежде всего, «чтоб каждый начальный смотрел доброво порядку у своих подначальных», чтобы был оставлен «варварской мерской крик», «понеже во сном не токмо что доброво можно учинить, но ниже слов и повеления начальника слышать», что если войско «назад пожмут» — «стпюдь никто не должен бегать назад, но стоять до последнего человека, как доброму солдату надлежит»².

В сражении с Кронгиртом войска принимали боевой порядок и дей-

¹ П. и Б., III, №№ 681, 729, 730.

² П. и Б., II, № 662.

¹ Г. и Б., №№ 459, 462, 471; Ласковский, ч. II, стр. 121—125.

ствовали, по словам Петра, «фрунт на фрунт». «Сей бой начат и счастливо совершен только единими четырьмя полками», — с радостью отмечал Петр¹. «Статьи» Меншикова требовали «во время стрельбы не спешить шеренг за шеренгой, но высматривать, чтоб могли исправитца стрельбой», чтобы коннице «не въехать в рот неприятелю». Петр в это время считал нецелесообразным применение конницей атаки с холодным оружием. Еще в 1705 г. в инструкции Шереметеву он требовал: «Також отнюдь не скакать за неприятелем, хотя оной бежать будет, но шагом, или по нужде малой грудью»². Это должно было привить коннице те качества, которые являлись необходимым предпосылкой ее дальнейшего развития. Назначение в 1706 г. А. Меншикова на пост командующего кавалерией совпало с началом нового периода развития регулярной конницы.

В сражении у Эрестфера войска Шереметева были построены в ордер-баталью, т. е. определенный боевой порядок. На правом фланге была поставлена пехота Чамберса, на левом — драгунские полки М. Шереметева; часть сил выделена в резерв. В начале боя первые линии русских были приведены «в конфузию», однако не оставили поля боя. С подходом артиллерии, которая начала «по неприятелю картечью скорострельною стрельбой стрелять», русские полки, «раки в ордер-баталью устроясь, неприятеля атаковали», и по 4-х час. сражении сбили с поля. После боя драгуны преследовали разбитого противника³.

Следует иметь в виду, что Шлиппенбах в сражении у Эрестфера располагал большими силами (13 полков пехоты, 5 кавалерии, 3 артиллерийские батареи). Численное превосходство было на стороне русских. Но ход сражения вполне обнаруживает стремление Шереметева не просто использовать численный перевес своих сил, но применить новую, регулярную тактику, обеспечить взаимодействие родов оружия, выделить резерв, организовать преследование потерпевшего поражение противника. Подобную же картину мы видим в сражении у Гумельсгофа (где большую роль сыграли посаженный на лошадей Преображенский полк и конная артиллерия драгунских полков), а также и в неудачном для русских сражении у Мур-мызы. Поражение Шереметева у Мур-мызы было вызвано, «недобрим обучением драгун», недостаточной еще дисциплиной войск, в то время как в первый период боя шведы были потеснены, и победа, казалось, была уже в руках Шереметева.

Таким образом, сам Петр и его военачальники — Шереметев, Меншиков, Апраксин и другие упорно и настойчиво прививали войскам новые начала тактики. Несмотря на неизбежные неудачи и «конфузии», общий итог полевых сражений в «малой войне» выражался в неуклонном росте регулярного всеного искусства всех родов войск. Этот боевой опыт послужил исходным моментом дальнейшего, более глубокого, всестороннего и своеобразного развития тактики во второй период войны.

Однако уже в 1701—1705 гг. русское военное искусство полностью выявило черты своеобразия, которые показывали, что оно не идет по протопретенным дорогам западного военного искусства, а ищет свои пути оригинального решения тактических задач.

Требуя действовать сообразно реальной обстановке, как «случай покажет», считая целью боя уничтожение живой силы и техники противника, а в осадном деле применяя тактику решительного штурма «неприступных» крепостей, Петр с самого начала своей широкой боевой деятельности отрицал приемы «классической» линейной тактики с ее лож-

ным методизмом, «кордонной системой» и тактикой символических сражений, сводивших войну к бесконтактному ряду бесплодных маневров кабинет-генералов. Тактика Петра Великого определялась характером самой войны и конкретным фактом «нениискусства» молодой регулярной армии в начале войны. Но это «нениискусство» быстро становилось своей противоположностью. Широкое применение речных транспортных средств, устройство в 1701 г. pontонного парка, применение в артиллерии улучшенных лафетов, изарядных ящиков и т. д. — усиливала мобильность и тактическую гибкость армии, что давало Петру возможность более смелого осуществления своих тактических замыслов. Так, например, идея «корволанта», блестящее осуществленная в действиях против Левенгаупта (Лесная), в действиях Меншикова (Батурина), зародилась и нашла первое применение в начале войны. В феврале 1702 г. Петр указал Т. Н. Стрешневу: «Лошадей изготовить сколько возможно, чтобы в зимнее время сверх драгунских полков возможно 6 10 или 8 полков солдатских посадить верхами и искать бы неприятеля к полевому бою»¹. Исходя из мысли о необходимости «искать неприятеля скорыми способами налегке», Петр в действиях против Шлиппенбаха и Кронгиорта применял драгунские соединения, усиленные конной пехотой и легкой артиллерией. Эти подвижные отряды наносили сильные и неожиданные удары и в конечном счете не позволили шведам сорвать планы Петра в т. н. ингерманландской операции.

Совершенно своеобразным было отношение Петра Великого к руководству армией (построенное на внимательном изучении противника, театра военных действий, возможных вариантов хода операции и отдельных сражений, настойчивом и последовательном осуществлении принятого плана действий) и к ее непосредственным руководителям, а также и к солдату. Петр прекрасно понимал, что непосредственный исполнитель боевой задачи лучше видит детали дела, поэтому он не связывал инициативы генералов и офицеров, проявляя доверие к их способностям и желанию выполнить свой долг «как добрым и честным солдатам надлежит». Предоставление, даже требование инициативы военачальника (при условии общего направления операций) пронизывает все инструкции и указания Петра, начиная с 1702 года. Петр терпимо относился в начале войны к ошибкам русских полководцев и проявлял особое внимание к моральному состоянию войск. — «Не извольте о бывшем несчастьи печальны быть, — писал Петр Б. П. Шереметеву после поражения у Мур-мызы, — (понеже всегдашая удача много людей звела в пагубу), но забывать и паче людей ободрять»². Петр вводил в армии новую систему наград и поощрений отличившихся в боях генералов, офицеров и солдат. В 1701 г. учрежден первый в России орден Андрея Первозванного, служивший также и военным орденом. Гвардия после Нарвы получила особые знаки с датой: 19 ноября 1700 г. За Эрестферскую победу Шереметев награжден орденом Андрея Первозванного, офицеры золотыми медалями, солдаты серебряными рублями. Награды вручал по поручению Петра А. Меншиков. За Нотебург подполковник М. М. Голицын произведен в полковники, майор Карпов в подполковники, офицеры награждены медалями, рядовые «племянники» (новобранцы) переведены в старый оклад, старые — в капранский. За «небывалую викторию» над шведским флотом в устье Невы после падения Ниеншанца Петр («капитан Петр Алексеев»), Меншиков и Головкин награждены орденами, офицеры золотыми, а солдаты серебряными медалями. С 1706 г. солдаты и офицеры награждались медалью с надписью «За верность и мужество» — для ношения на груди.

¹ П. и Б., I, № 356.

² Голиков. Действия Петра Великого, т. II, стр. 125.

¹ П. и Б., II, № 554, 555.

² П. и Б., № 870.

³ Журнал Петра Великого, ч. I, стр. 40—41.

8. Развитие организационной структуры армии. Вопрос об иноземных офицерах

Нарвский поход 1700 г. был, в сущности, первой операцией русской армии, когда она выступила не в старой московской форме организации, а в новой, современной. Армия имела одного командующего, была разделена на три «генеральства» — дивизии, каждая дивизия включала несколько полков в 12-ротном составе, роли делились на плутонгии и ка-пральства. Однако, состав армии оставался еще пестрым. В результате Нарвы отжившие элементы армии (поместно-дворянская конница, небольшое количество стрельцов) быстро исчезают. В 1701—1705 гг. на основе боевого опыта организация армии обогащается новыми формами. Преобразования коснулись, прежде всего, «мозга» армии — ее штаба. Организуется квартирмейстерская служба армии. В полках 1700 г. уже имелись полковые квартирмейстерские чины. В феврале 1702 г. по представлению Шереметева Петр утвердил генерал-квартирмейстером князя А. Ф. Шаховского. Одновременно оформляется военно-судебная и полицейская служба: генерал-аудитором назначен С. М. Хрущов, генерал-гевандигером К. С. Титов. Последнему Шереметев должен был «дать на письме должность его, также и артикул». С назначением Шереметеву в феврале 1702 г. трех генерал-адъютантов и генерального писаря, управление армией приобретало известную стойкость и законченность.

В ходе войны необходимость развития тактической гибкости армии и лучшего управления войсками приводит к созданию нового войскового соединения — бригады. К весне 1705 г. в армии было три бригады — Игнатьева, Кропотова, Баура. В мае этого года Петр предлагал Шереметеву бригаду Игнатьева послать на поместье Ренну. Количество и состав бригад не были постоянными, а изменялись в зависимости от обстановки и решения той или иной задачи. В марте 1705 г. Петр писал А. Меншикову, что «У высоких генералов не бывает определения, но по случаю времени командуют больше и меньше»¹.

С другой стороны, улучшение вооружения пехоты и накопление боевого опыта вызвали важные изменения в организации полков: в 1704 г. они переформированы в 9-ротный состав, причем в каждом полку создана, по примеру гвардии, одна гренадерская рота. Гренадерские роты были созданы и в драгунских полках.

Наемные офицеры-иноземцы постепенно вытесняются из армии. Помня урок Нарвы, Петр часто предлагал Шереметеву выбирать на ответственные посты людей «из москвич», а в полки назначать офицеров-иноземцев, «перемешав с русскими». Однако в начале войны недостаток опытных офицеров и недостаток времени для подготовки русских офицеров в условиях войны заставили прибегать попрежнему к найму иноземцев. 16 апреля 1702 г. был издан известный Манифест о вызове иностранцев, по которому в русскую армию мог быть принят любой иноземный офицер. Двери были распахнуты широко. Для поступления на службу достаточно было представить пограничному «губернатору» свидетельство русского генерал- комиссара за границей. Иноземцам гарантировалась свобода вероисповедания и особая юрисдикция.

Менее известен второй Манифест об иноземных офицерах, датированный февралем 1705 г. В нем ясно сказано, что после 1702 г. в русскую армию принято «из оных офицеров и скуческих» «меньшее число», что иноземцы, служившие у себя на родине капитанами и даже титуллярными чинами, «через неизвестные рекомендации» получали «пасы» полуполковников и даже полковников. Чтобы «вперед к неуслуге нашего государ-

ства такие непотребные и не довольно искусные офицеры сюды не ехали» — отныне будут приниматься только такие офицеры, которые «в свете не через одну рекомендацию, приятство или деньги, но через совершенные в поле воинские службы добрую славу и искусство получили». Манифест 1705 г. устанавливает определенные ставки жалованья наемным офицерам, порядок приема на службу с повышением только на один чин, причем генералы могли быть приняты только глазнокомандующим. Следовательно, не отказываясь в принципе от практики найма офицеров, Манифест 1705 г. ограничивает наём определенными высокими требованиями и условиями².

Фактически последний случай группового найма офицеров связан с приглашением на русскую службу в 1704 г. фельдмаршала Огильви. В 1705 г. большей частью пехотных полков командовали еще иноземцы (правда, многие из них натурализовались в России и приняли русское подданство, а некоторые, как Чамберс, бывший уже генералом, и родились в Москве). Спустя год в русской армии почти не осталось иноземных генералов и полковников. После Гродненской операции уволился Огильви, который упорно тянул армию в пропасть и, по словам Петра, «ничьих советов принимать не хотел, но желал как учитель студентами, так он со всеми поступать»³. «За выбытием Огильви, не останется ни одного офицера, который бы когда-нибудь за границей занимал должность выше капитанской, кроме генерала Алара», — сообщает Ч. Вингворт⁴.

Бобровский считал большой бедой русской армии то, что «в самую критическую минуту, когда Карл XII приступил к исполнению своего замысла, чтобы нанести Петру I решительный удар, в русской армии не осталось ни одного из опытных иностранных генералов», как бы не замечая того, что после «исчезновения» этих генералов наступает период высочайшего расцвета стратегии и тактики русской регулярной армии. В течение 1700—1705 гг. в боевой школе войны выросли не только основные кадры младших и средних офицеров, но и такие выдающиеся и талантливые полководцы, как Б. П. Шереметев, А. Меншиков, М. Голицын, Н. Репнин, А. Головин, А. Бейде, П. Апраксин, военные инженеры и артиллеристы Я. Брюс, В. Корчмин, Гр. Скорняков-Писарев и многие другие, которые давно уже перестали быть «студентами» и не нуждались в импортных «учителях».

К концу первого периода реформы нужда в найме иноземных офицеров благодаря широкой системе подготовки и воспитания национальных офицерских кадров для всех родов войск была в значительной степени изжита. Тем самым устраивалась существовавшая в середине XVII столетия известная зависимость русской армии от найма иноземных офицеров. Это был важный шаг на пути превращения армии в действительно национальную по своему составу, духу и традициям регулярную армию.

9. Первые уставные положения и уставы регулярной армии

Возникновение уставов, определяющих административную, правовую стороны жизни армии, ее строевые и боевые порядки, тактические принципы и т. д., является одним из наиболее характерных явлений, сопровождающих зарождение и развитие регулярных армий.

До последнего времени вопрос о первых уставных положениях русской регулярной армии, следовательно, вопрос о происхождении Воинского Устава 1716 г., недостаточно освещен в военно-исторической лите-

¹ П. и Б., III, № 767.

² П. и Б., V, № 1562.

³ Сборник РИО XXXIX, стр. 281.

⁴ П. и Б., III, № 789.

ратуре. Устав 1716 г. изучался, главным образом, с военно-правовой точки зрения, а проблема об его источниках решалась в духе историко-юридической школы с ее теорией «заемствований и влияний»¹.

Нельзя, конечно, получить более или менее полное представление о зарождении, развитии и характерных особенностях русской регулярной армии, не сделав попытки вскрыть хотя бы основные моменты уставного творчества деятелей военной реформы.

Необходимость в регламентации военного быта возникла при оформлении первых регулярных солдатских полков. 8 мая 1696 г. во время второго Азовского похода Петр составил «Указ по галерам», устанавливающий в характерных для Петра точных и ясных выражениях походный и боевой порядок во флотилии. Особенно интересен п. 15 Указа, в котором выражена общая мысль Петра о моральном боевом сплочении войск, о взаимной поддержке и выручке в бою: «А если в бою кто товарища своего покинет, или не в своем месте пойдет, такова наказать смертью, разве законная причина его к тому привела»². Одной из первых попыток регламентации жизни собственно сухопутных полков следует признать «Статьи, кои надлежат генералу к управлению полком», составленные Петром перед отъездом за границу для генерала А. М. Головина³. «Статьи» вручали А. Головину полное руководство регулярными солдатскими полками, «штаб» которых находился в Преображенской съезжей избе. Головин обязан был «чинить» «смотры и учения начальных людей и солдат», пополнять полки вооружением, снаряжением и всякими полковыми припасами, «вновь в полки выбирать» начальных людей и расписывать их по ротам с доклада генерал-секретаря Ф. М. Ромодановскому, «приверстывать» в полки новоприборных урядников и солдат, соблюдать строгую военную дисциплину в полках, наконец, решать различные вопросы солдатского быта. Весьма важное значение имели упомянутые выше указ 17 ноября 1699 г., а также Наказы Комиссии Ф. А. Головина и Н. Репнина о наборе даточных людей и вольницы в регулярные солдатские полки. Эти документы не только определяли источники и порядок комплектования пехотных полков (сохранившийся в общем до введения рекрутской системы в 1705 г.), но устанавливали также организацию полков, состав ротных и полковых чинов и урядников, принцип систематического строевого обучения полков и характер их вооружения и снаряжения.

Организация в 1699—1700 гг. регулярной пехоты солдатского строя поставила новые задачи в деле уставного творчества, которые и были успешно разрешены.

Но прежде чем перейти к характеристике первых уставных Положений регулярной армии, следует выяснить вопрос о так называемом «Уставе Вейде».

Военные историки считали «Устав Вейде» «первым руководством для русского солдата при начале устройства регулярных войск», первым уставом регулярной армии, который применялся до 1706 г.⁴. В действительности дело обстоит несколько сложнее. Работа А. А. Вейде представляется, собственно, не устав, а доклад Вейде Петру о результатах его наблюдений во время заграничной поездки 1697—1698 гг. Доклад был представлен Петру, как свидетельствует подпись Вейде, «в лето Ахчи

¹ П. Бобровский, Военное право в России при Петре В. СПБ. 1886; его же «Военные законы Петра В.», СПБ. 1887.

² Устрялся, том II, прил. 12.

³ Кабинет Петра I, отд. II, д. 53, л. 595.

⁴ См. Бобровский, Вейде А. А. и его Всинский Устав, «Десант Марса», Казань, 1887. № I; Военная Энциклопедия, изд. Сытина, 1915, т. XVIII, ст. «Петр I — Алексеевич Великий».

(1698)»¹. Как Устав армии «Устав Вейде» не применялся и не мог применяться в своем первоначальном виде. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с содержанием «Устава».

В посвящении Петру Вейде, отмечая интерес Петра к военному делу и его военные заслуги («Азов есть токмо чрез ваши мудрые советы и храбрость взят»), напоминает о своей посылке в 1697 г. «к различным европейским дворам» и говорит, что он свои наблюдения стремился «к крайним приложением в настоящей книжице описати», которая хотя «извне не без пороков есть», но должна заинтересовать Петра, не щадящего трудов «в снискании и испытании по лучшей мере шляхетных воинских хитростей на воде и на сухом пути ко общей ползе». И в самом деле, Вейде не формулирует далее определенные уставные положения, но описывает, каковы военные порядки в Цесарской земле, Саксонии, Франции и Нидерландах. О пехоте Вейде пишет, что ею «мочно розно служить, а именно яко: мушкетер, гренадер, також и пикинир...» «Рота пехотная есть часть людей во сте да во сте двадцать человек, как у цесарцев употребляется, у францужан не более 60—70 человек в роту беретца»; «батальон состоит из 3, 4 или 5 рот, и есть обыкновено сие половина или третья часть полка», т. е. полк может быть в 2—3-батальонном составе. Стрельбу из каре Вейде описывает по способам французской, саксонской и цесарской армий.

Тот же метод в описании офицерских ротных чинов. О капитане — «у цесарцев есть обычай, что он их (солдат) одевает и им платит»; о сержанте — «имеют их по 2, по 3 и по 4 роты»; о квартирмейстере — «не имеет в русской земле столь много дела, как во иных землях, а особенно у цесарцев» и т. д.

В вопросе о строевом шеренге Вейде точно так же не формулирует определенное положение, как уставное, но сообщает, что «в разных землях» ведутся об этом споры: 4-шереножный строй, кажется, лучше, «поснеге я скорее и чащее могу огня достать» (т. е. усилить ружейный огонь), но при 6-шереножном строевом крепче «фланка» и «фронт», следовательно, и этот строй имеет свои достоинства, «лучше и прибыточнее и безопаснее есть».

Ясно, что название обзора Вейде «Уставом» абсолютно не соответствует его содержанию и назначению. История «Устава Вейде» лучше всего доказывает, что ни одна армия вообще не может принять те или иные уставные положения до тех пор, пока ее собственное развитие не сделает это возможным.

Нельзя, однако, отрицать, что «Устав Вейде» сыграл положительную роль в развитии идей регулярности армии. Сводный, описательный характер в условиях момента являлся скорее достоинством, чем недостатком работы Вейде. Вейде с полной добросовестностью выполнил поручение Петра. Самый обзор фактов сделан умело и со знанием дела. Вейде обнаружил глубокое понимание особенностей современного военного дела и сумел выделить наиболее прогрессивные явления в его развитии, которые в сущности только намечались в большинстве европейских армий. Что особенно важно, Вейде не слепо копирует западные военные порядки и не восторгается ими как неопытный ученик и робкий новичок в военном деле, но с полным знанием дела оценивает как положительные, так и отрицательные стороны в армиях Западной Европы. С этой точки зрения «Устав Вейде» полностью раскрывает критическое отношение русских военных деятелей к западной военной культуре в самом начале реформы и полностью разоблачает старые утверждения военных историков (некри-

¹ Полный текст Устава Вейде издан «по высочайшему повелению» в 1841 г. в ограниченном числе экземпляров.

тически и без проверки повторяемые иногда некоторыми советскими военными историками) о том, что Петр Великий создал свою армию «по иноземному образцу». Вейде заметил, что пикинеры «едва не все в нынешнее время оставлены, и в то место фузеи с багинетами употребляют того ради, дабы больше огня имети». Он обратил внимание на то, что в некоторых западных армиях создаются крупные войсковые соединения — конные и пешие, бригады. «Сие есть зело нужная вещь, потому что испытание то во всех землях показывает». Бригада состоит из 2—3—4 и даже до 5 полков, причем «у цесарцев не употребляют бригадиров, но повелевают в их место по 3 по 4 полка генералы-маеоры, у нидерландов же и французов есть сей чин зело знатен и во употреблении».

Нельзя, пишет Вейде, «тем, иже с неприятелем дело имеют, руки в недра полагати и без всякого труда и попечения пребывать». Каждый воинский чин должен «знать свою должность» и прилежно изучать не только строй, но и «иные все воинские искусства». Начальные люди обязаны смотреть, «дабы его подданные солдаты в добром обучении и строю непрестанно держаны были». Вейде высказывает мысль о необходимости строгого единоначалия в армии, все повеления «несмотря ни на какое лицо исполнять, дабы все неустройство и своевольство и несогласие во время унто и учреждено было». Преимущества регулярной армии Вейде доказывает примером битвы 12 сентября 1697 г. при Цайте, в которой, как он «сам видел», 44.000-я армия цесарцев разбила 85.000 турок.

Описывая ружейные приемы и команды в иноземных армиях, Вейде отмечает их излишнюю сложность: «не добро так много излишних слов к наряжению ружья употребляти». Многие перестроения, принятые в западных армиях, Вейде отбросил, «понеже пользы от тех увидать не мог», но так как и в его списании перестроения оказались слишком сложными, Вейде, чувствуя этот недостаток, оправдывается тем, что «здвижение рядов и шеренг, которое мы видели, еще более непотребно».

Вейде описывает новые способы боевой стрельбы: плутонами, который «употребляетца ныне едва не у всех потентатов», и «падением», который еще «ни в которой земле не употребляетца, кроме саксонцев», «и уже цесарцы зело много також сие употребляют». Цесарцы раньше терпели поражения от турок, так как они «такого доброго учения яко плутонами и паданием шеренг не знали», а ныне турок «не почитают ни во что». Вейде резко критикует защитников старого способа стрельбы «стрешным ходом», который «уже более 10 лет ни в который земле не употребляется». «Аз чаю, что хуже того образца едва возможно выдумать».

Таково содержание и историческое значение «Устава Вейде». Бобровский обратил внимание на то, что в рукописных «ручных книгах» офицеров петровской армии (Кожевникова, Петрова) тот текст, который он считал «Уставом Вейде», «существенно отличается от печатного издания 1841 г.: в ней должности разных чинов описаны в другом порядке, вовсе нет строевого устава, и, напротив, находятся статьи всеню-юридического характера»¹. Это целиком подтверждает, что Устав Вейде в первоначальном и полном составе не применялся в армии, так как «ручные книги» офицера включали только те уставные Положения, которые были официально приняты в петровской армии.

Если сопоставить замечание Бобровского с теми уставными Положениями, которые были ему неизвестны и хранятся ныне в кабинете Петра I, то следует притти к выводу, что Устав Вейде был использован Петром I только как материал для составления первого строевого устава и «Рукописных пехотных чинов». «Статьи военно-юридического характера» — это не

¹ Бобровский, Вейде А. А., стр. 11.

что иное, как другое. Уставное Положение: «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и во учении как обходиться»¹, не имеющие ничего общего с «Уставом Вейде» и представляющие собой продукт вполне самостоятельного уставного творчества Петра Великого и его военных сотрудников.

Авторами первого строевого Положения русской регулярной армии, принятого в 1699 г. для обучения «солдатскому строю» русских пехотных офицеров, переподготовки иноземных офицеров и обучения регулярных солдатских полков, были Петр и А. М. Головин.

А. М. Головин «учинен генералом» Преображенского и Семеновского полков в конце 1689 года (сразу после Троицкого похода и прихода к власти Петра). — «Оной из спальников первой, который знал солдатскую экзерсицию», — пишет о нем Б. Куракин, сам прошедший школу «потешных». Начиная с 1690 г. А. Головин руководил строевой подготовкой первых регулярных полков, «учая сные полки в неделю по трижды»², а с 1699 г. обучал строю новоприборные полки.

К моменту набора «прямого регулярного войска» у Головина сосредоточились все материалы к строевому уставу («Устав Вейде», «посылка» Петра из Амстердама, собственные русские обычные правила). Все эти разнообразные, противоречащие друг другу и сложные (как у Вейде) правила были практически проверены в ходе учений 1699—1700 г., в результате чего и получен первоначальный текст Устава. Первым уставным Положением 1699—1700 гг. следует считать Положение, находящееся в д. 53 II отд. Кабинета Петра I³. В следующие годы оно было дополнено приемами для grenadier и под названием «Краткое обыкновенное учение пеших полков» было напечатано дважды в 1700 г., затем в 1702 и 1704 гг. и входило в ручные книги офицеров⁴. Подлинная рукопись строевого Положения 1699—1700 гг. содержит ряд собственноручных пометок и исправлений Петра Великого, что ясно показывает личное участие Петра в разработке и редактировании этого важнейшего документа⁵. Не исключена возможность, что текст Положения, составленный А. Головиным, был сообщен обсужден генералами (как это часто практиковалось при Петре) и вслед за этим, как и другие уставные Положения, представлен для окончательного утверждения Петру.

Введение единого строевого устава пехоты имело огромное значение, являясь одним из элементов, образующих регулярную армию.⁶

Что же представлял собой первый строевой устав русской регулярной армии? Нетрудно установить, что он не только не был подражанием строевым правилам западных армий, но являлся прямым их отрицанием. Все «непотребные» приемы и перестроения, критику которых дал Вейде в своем обзоре, окончательно отброшены. Перестроения рядов и шеренг, как и ружейные приемы, все сопровождающие их команды исключительно ясны, просты и несложны. Строевой устав Петра Великого рассчитан на подготовку офицера и солдата к бою, а не к парадным вольтам. В нем нет никаких элементов мульти, бессмысленной «шагистики и ружисти-

¹ В ручной книге Кожевникова «Статьи» содержат только 4 первых пункта, всего же их в подлиннике 7.

² Архив Куракина, том I, стр. 85.

³ Напечатана первая половина в «Письмах и Бумагах Петра Великого», т. I, № 304; издатели П. и Б. на основании ежашних циркуляров издавали документ 1699 г.

⁴ Нельзя никак не согласиться с утверждением Бобровского о том, что Устав 1700 г. был переделан в 1702 г. в связи с выходом нового французского Устава, отменившего употребление пик. Бобровский не был знаком со строевым Положением 1699—1700 гг. и не знал, что это Положение не включало приемов с пикой, т. к. регулярные полки в 1699 году были вооружены багинетами. Бобровский, Военные законы, стр. 40.

⁵ Кабинет Петра I, отд. II, д. 53, лл. 1139—1143.

ки». Учитывая недостаточную еще подготовку своей пехоты, Петр принял в начале реформы б-шереножный строй. Все перестроения сводятся к целесообразному и необходимому для обеспечения эффективности ружейного огня сдавливанию рядов и шеренг. Приняты современные виды ружейной стрельбы — плутонгами, падением шеренг и залп.

Обучение новобранцев отличается от учения для старых солдат, и имеются две ступени обучения ружейным приемам. Все приемы разделены на три темпа, но оговорено, что когда солдаты будут знать их твердо, то «коные вышеописанные приемы, каждые три в один чинить». Заряжание ружья производилось в 12 приемов, но предусмотрено для обученных скорый заряд в три приема: 1) Заряжай ружья; 2) Прикладывайся; 3) Стреляй». Точно так же «Краткое учение гранадирам» устанавливает действия в 9 приемов, но «когда вышеописанные ухваты гораздо знать станут, и тогда можно кратче приказывать: 1) мушкет за плечо, 2) вынь гранат и вскрой, 3) зажигай и бросай». Мушкетами и багинетами обходятся гранадиры так, как солдаты, только когда они идут строем, то носят фузеи на левой руке». Насколько внимательно относился Петр к ружейной подготовке солдата, видно из собственноручных его исправлений в тексте рукописи Устава (взяты в квадратные кавычки): «Прикладывайся не к щеке, «к плечю», а мушкет держать равно, чтобы нагнувшись «напремет». То и другое, как понятно, способствовало прицельности огня.

Коренное изменение внес русский устав в приемы багинетом. В «Уставе Вейдэ», отражавшем принципы действий багинетом в западных армиях, эти приемы имеют дассивно-оборонительный характер, что было естественной данью и пережитком приемов пехотинца XVII ст. с пикой, имевших целью защиту пехоты от кавалерии. В боевом положении ружье с багинетом находилось в положении «на караул» (с командой: «уклони багинет человеку в груди») и с прикладом подмышкой. В уставе Петра ружье с примкнутым багинетом бралось «на руку», после чего следовала команда и прием — «коли в четыре оборота». Русский «штык-молодец» ведет свое начало с этого уставного приема по Уставу Петра Великого.

Таким образом, Петр ограничил обучение солдат минимальными требованиями, обеспечивающими умелые действия в бою, и облегчил строевые и ружейные приемы в настолько ясные формы, что они без труда расшифровываются спустя два века.

Следует отметить, что немедленно после организации регулярной драгунской кавалерии были приняты меры для разработки драгунского устава. В Кабинете Петра I удалось обнаружить любопытный проект такого устава, озаглавленный «Учение драгунское» и датированный сентябрем 1701 г.¹. «Учение драгунское» содержит правила обучения драгун приемам с фузей и пистолем и стрельбы из них, строевые перестроения в конном строю из 3-х шеренг, такие же перестроения в пешем строю, правила посадки на лошадей и спешивания. Все эти приемы и перестроения не отработаны окончательно и слишком громоздки; они могли послужить лишь материалом для составления устава. В пешем строю драгуны руководствовались, очевидно, пехотным уставом, но вопрос о собственно кавалерийском уставе приходится оставить открытым, хотя в источниках имеются ясные свидетельства о его существовании и применении до 1706 г.

В книге 37 I отд. Кабинета Петра I, где собраны уставные положения и уставы русской регулярной армии, предшествовавшие Воинскому Уставу 1716 г., и черновая рукопись этого Устава с собственноручными поправками и дополнениями Петра Великого, находятся два уставных доку-

мента, однотипных по своему стилю и характеру. Это — «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держати и в строю и во учении как обходиться» и «Ротные пехотные чины»². Оба документа имеют большое значение для характеристики русской регулярной армии в период ее возникновения и оформления. В них заключены основы строевой организации, взаимоотношений офицеров и рядовых, системы воспитания моральных боевых качеств воина и навыков «регулярной» дисциплины, которые были развиты в последующие годы и закреплены в Уставе 1716 года.

Содержание и стиль документов, несомненная связь одного с другим позволяют думать, что они составлены в одно и то же время. Чин службы каптала в «Ротных чинах» совпадает почти буквально с пунктами о караульной службе в «Статьях воинских». В обоих документах встречается ефрейторский чин, и по «Ротным чинам» ефрейтору надлежало быть «жития доброго, как посвелено рядовым солдатам», значит, «Статьи» составлены несколько ранее «Ротных чинов». Внешние признаки документов (напр., славянские цифры), указывают на их раннее происхождение (около 1700 года).

Возможность коллективного обсуждения этих документов генералами не снимает вопроса об их непосредственных авторах. Можно с полным основанием считать, что «Статьи воинские» были составлены А. Вейде, а «Ротные пехотные чины» А. Головиным. Летом 1699 г. А. Вейде сообщал Петру о выполнении его поручения составить «воинский наказ, как сдерживатьсь» и «артикул какое кому наказание за вины»³. 13 июля работа Вейде была послана Петру для утверждения и проверки, «что годно и не годно будет».

Несколько позднее, 5 марта 1700 г., А. Головин писал Петру: «Посылаю статьи о чинах пехотного строю, что кому дозвлеет знать. Изволь посмотреть, и где не так, исправить»⁴. Нет сомнений, что речь шла именно о «Ротных пехотных чинах».

И «Статьи воинские», и «Ротные пехотные чины» входили в «ручные книги» офицеров и являлись, таким образом, официальными уставными Положениями армии⁵.

Если обратиться теперь к содержанию «Статьй воинских» и «Ротных пехотных чинов», то нетрудно установить, что они вполне отвечали нарашившей необходимости. Именно в это время (1699—1700 гг.) шло обучение молодых офицеров и новоприборных солдат, формировались регулярные солдатские полки и возникла реальная потребность в подобного рода уставных Положениях.

«Статьи воинские» в ясных и понятных формулах определяют обязанности солдат в строю, на карауле, в быту, а также дисциплинарные нормы «доброго поведения» и наказания за проступки на службе и после нее.

¹ Кабинет Петра I, отд. I, д. 37, лл. 573, 574.

² Устрилов, т. III, прил. 7. Бобровский неправильно относил возникновение «Статьй воинских» к 1713 г.; т. к. ему же был известен полный текст «Статьй» в данной рукописи, то он полагал, что Вейде работал в 1699 г. над Всено-правовым уставом и не закончил его. Военное право, ч. II, стр. 582; Военные законы, стр. 17—18.

³ Бобровский считал, что Головин посыпал Петру с этим письмом строевой устав. Но это противоречит смыслу письма и тому факту, что строевое Положение было принято и уже применялось в 1699 г. Военные Законы, стр. 18. Письмо Головина, см. П. и Б., I, стр. 811.

⁴ В марте 1700 г. А. Головин писал Петру: «Преображенского полку солдатам по солдатским правам за многое их гулянье, за пьянство и за зернь, и за многие неты учинено наказание спицрутен и ст полка отставлены». И состав простотка, и вид наказания предусмотрены «Статьями воинскими», а формулировка «наказаний за вины» буквально совпадает с п. 1 и 2 «Статьй»; П. и Б., I, стр. 807.

⁵ Кабинет Петра I, отд. II, д. I, лл. 843—845.

Замечательно полное соответствие первого строевого устава (простота, ясность приемов и перестроений) с принципами воспитания и обучения солдата в «Статьях воинских», составляющих в этом плане фундамент «суворовских» традиций русской армии. Солдат обязан не механически отработать строевые перестроения и ружейные приемы, но, имея «прилежание не малое к учению и к ружью», усвоить их сознательно, так же, как и все статьи «на память иметь». В подлинной рукописи «Статьй» в конце сделана второй рукой приписка, вероятно, продиктованная Петром во время просмотра документа: «А сии статьи каждому солдату должно на память иметь. И на всякую неделю по дважды читать им».

В «Статьях» явно выражена тенденция отделить солдата от условий гражданской жизни и поставить его в особые условия военной дисциплины. Солдат это не стрелец-полувоин-полугражданин, а прежде всего военнослужащий. Но и солдаты в это время еще не целиком оторвались от старых условий военного быта: «Статьи» говорят о «домашних нуждах» солдат. И в самом деле, солдаты жили еще в т. н. солдатских слободах, в щомах обывателей, сблизившихся семьями, получали участки «солдатской земли» и пр. Однако с началом Северной войны последние остатки этих «патриархальных» условий исчезают.

Петр считал военную службу службой государственной, цель которой — защита «интереса государственного». Поэтому наказания в «Статьях» за проступки дисциплинарные, наносящие вред армии, как боевому организму, строже, чем наказания за проступки бытовые (льянство и зернь, торговля вином и пр.). Первые идут в возрастающей степени в зависимости от 1, 2 или 3-го проступка и различают проступки старых солдат и «племянников». Только исправной службой рядовой «племянник» мог добиться перевода в полный оклад старого солдата, а последний производства в ефрейторы, капралы и далее до подпрапорщика. И, наоборот, за провинность старый солдат мог быть переведен в «племянничий оклад», что имело не только материальные последствия, но и моральное значение.

Наказания «на теле» были обычным явлением в армиях того времени. Все же следует признать относительную мягкость санкций «Статей воинских» (сравнительно с общим законодательством того времени и позднейшими артикулами). Смертная казнь предусмотрена только в одном случае: за уход с караула в военной обстановке. Кроме наказаний на теле (в 2 случаях) и ареста с ношением мушкетов на плече, «Статьи» применяют понижение оклада и отставку от полка.

Таким образом, воспитание и обучение новой армии начиналось с солдата. Первая задача, естественно, состояла в том, чтобы привить солдату элементарные навыки строевой, караульной и внеслужебной дисциплины, а вместе с тем прилежание и охоту к строевым занятиям, изучению и сохранению оружия, правильной стрельбе. «Статьи воинские» удовлетворительно и оригинально решали эту задачу, поднимая значение солдата в соответствии с мыслью Воинского Устава 1716 г. о том, что «Имя солдата просто содержит в себе всех людей, которые при войске суть».

«Ротные пехотные чины» устанавливают права и обязанности офицеров и урядников роты от капитана до ефрейтора. Однако, значение «Ротных чинов» не ограничивается точным определением служебных обязанностей и взаимоотношений офицеров. «Ротные чины» предъявляют высокие требования к служебным достоинствам боевым качествам и моральному облику офицера. Они безусловно имели большое воспитательное значение.

Офицер должен быть образцом для рядового, «рассудок меж солдат иметь доброй», но вместе с тем «братьства» с подчиненными не иметь, т. е. заботиться о сохранении своего престижа. От офицера требуются знания, ставящие его выше солдата. Знать строй и поучать с приложением солдат

должен капитан, но Горчику «надлежит большие знать, как роту учить, и больше трудов к ней полагать, нежели капитан». Сержант должен знать «солдатское обхождение и капральское, чтоб он в тех чинах искусен был и сам бы в тех служил». Сержант, следственно, должен был пройти все ступеньки службы, начиная с рядового. Капралу «подобает быть добру и осторожну, и росторонну в деле», знать, «все ли солдаты ружейные приемы знают, и ружье исправно ли заправливают» и т. д. «Ротные чины» воспитывают чувство ответственности командиров за состояние и обучение своего подразделения. Ценность офицера определяется не «породой», а его чином и знаниями. В этом отношении «Ротные чины» совпадают с взглядами, развитыми Петром в позднейших его документах и в Уставе 1716 г.

В бою офицер также должен быть примером храбрости, скорее «себя при знамени дать в части разрубить, нежели знамя оставить, потому что вся рота по нем лопастует». Подчеркнуто место офицера в сражении: младший офицер заменяет выбывшего из строя старшего. Каждый офицер должен быть «смелого сердца и доброго жития».

«Ротные чины», предвосхищая идеи Воинского Устава, выражают взгляды на отношения офицеров и солдат, в корне отличные от взглядов и практики, господствовавших в наемных армиях Запада. Офицер обязан не вколачивать воинскую науку в «неловкого мужика», чтобы сделать из него «солдата», как требовал прусский устав, а прилежно «поучать», «учить» солдат. При этом капитан обязан «о солдатах иметь не малое поучение и за них стараться». Прапорщик особенно обязан «большую любовь к солдатам иметь, и когда они в наказание впадают, тогда за них бить челом». Он должен «ведать по вся дни немощных солдат, посещать и того смотреть, нет ли им в призирании и в споможении болезни какого недостатку».

Эти положения вводились в то время, когда в прусской армии знаком офицерского «достоинства» была трость, а унтер-офицер носил профессиональную кличуку «Wamsklopfer'a»¹.

* * *

Нельзя не заметить, что рамки всех рассмотренных выше уставов и уставных Положений ограничены. Они не решают более сложных вопросов о боевых порядках войск, о походном порядке и караульной службе в условиях войны и т. д., и это было вполне естественно, поскольку регулярная армия еще только складывалась и не имела боевого опыта.

Новый шаг в развитии русского уставного творчества сделан после Нарвы и опыта последующих военных действий.

В этих условиях возникают предшественники собственно Артикула 1716 г., т. е. сборники военно-правовых норм, представляющие, однако, интерес и с точки зрения развития самой армии.

9 февраля 1702 г. на представлении Шереметева о назначении в армию генерал-гвардии Петр написал: «Выбрать из москович и дать на письме должность, также и артикул»². Это указание послужило, повидимому, толчком к введению в армии Шереметева артикула — «Уложение или право воинского поведения генералов, средних и меньших чинов и рядовых солдат», что подтверждает и подпись Шереметева под ним: «Исполня указ в. г. е. д. в. подписал...»³.

¹ Дельбрюк, т. IV, стр. 295.

² П. и Б., I, 408.

³ «Уложение» напечатано у Розенгейма, Очерк истории военно-судных учреждений. СПБ. 1878, прил. VI.

7 «Ученые записки»

Неполнота и неудовлетворительная разработка ряда уставных вопросов при непрерывном усложнении жизни армии привели к тому, что «Уложение» Шереметева скоро устарело.

В мае 1705 г. на требование Огильви дать указ об обидах Петр отвечал, что такой указ послан не будет, «понеже войско все вам двум фельдмаршалам вручено с полным воинским правилом, судом и указом, по которому вы должны чинить праведный и воинский суд»¹. В черновом проекте письма сказано иначе: «Понеже новой не может быть скоро выправлен». Известно, что в 1702 г. над «уставом судебных воинских прав» работал А. Виниус, к этому делу Петр привлекал Я. Брюса, Гюйсена и др. Упоминание «прежнего артикула» находим в «Артикуле кратком» 1706 г. для драгун А. Меншикова. В указе Репнину 25 января 1707 г. сказано: «Крейсрат и прочие воинские права ныне отправлять по старому артикулу, пока новый будет выправлен»². Можно предполагать, что в этих случаях речь шла о том воинском уставе, который находится среди прочих материалов к уставу 1716 г. в т. 37 I отд. Кабинета и озаглавлен «Устав Прежних Лет»³.

«Устав Прежних Лет» переписан набело, с немногочисленными пометками и поправками рукой Петра. Уставу предшествует Манифест, текст которого близок к содержанию Манифеста к Артикулу 1716 г. Гл. 21 «Устава Прежних Лет» о значении караульной службы почти буквально совпадает с аналогичной статьей Артикула 1716 г. «Устав Прежних Лет», в отличие от «Уложения» Шереметева и «Артикула краткого» А. Меншикова, представляет собой тщательно разработанный документ, в вполне развитой военно-правовой и судебной части (нижний или полковой суд, гарнизонный и осадный, генеральный суд, все степени профосов, гевандигеров и аудиторов и т. д.), устанавливающий тот порядок судопроизводства, который действительно применялся в армии и без существенных изменений закреплен Артикулом 1716 г. Собственноручные пометки Петра I на полях «Устава Прежних Лет» (напр., против текста присяги: «Надлежит простирачнее написать» и др.) доказывают, что он лично участвовал в редактировании Устава. Все это подтверждает, что «Устав Прежних Лет» был предшественником Артикула 1716 г. Остается открытым вопрос о времени введения его в действие.

Основное содержание «Устава Прежних Лет», как кодекса военно-правовых норм, выходит за рамки настоящей работы. Отметим лишь в этой связи, что уставное определение военно-судебных инстанций, порядка судопроизводства, состава преступлений и проступков, чинимых по ним наказаний и пр. должно было сыграть большую роль в укреплении общего «регулярного» порядка и дисциплины в армии. В сущности это был первый военно-правовой кодекс армии. Место известного произвола в административно-судебной практике старомосковского войска занимали новые понятия о военном праве; место единоличной «расправы» воевод — коллегиальная форма суда, с привлечением к суду и следствию офицеров, а в отдельных случаях урядников и рядовых солдат. Тем самым военное руководство получало большие возможности для воздействия на моральную атмосферу и дисциплину войск.

С другой стороны, если первые уставные Положения, принятые в армии до войны, ограничивались главным образом вопросами строевой подготовки, караульной службы и пр. в пределах роты и полка и в условиях мирного времени, то тематика первых артикулов, особенно «Устава Прежних Лет», несравненно шире: она схватывает вопросы общearмей-

ские, вопросы походного, караульного (в военных условиях) и отчасти боевого порядка и дисциплины. Вопрос о заимствовании этих уставов (что особенно подчеркивал Бобровский и др. историки военного права) имеет второстепенное значение, поскольку, во-первых, ни один из них не представляет буквального перевода иноzemных уставов, во-вторых, русские артикулы отражали новый шаг вперед в развитии регулярной армии на основе ее боевого опыта, наконец, как легко бросается в глаза при ближайшем ознакомлении с первыми артикулами, они отражают в такой же мере опыт собственно русского уставного творчества. Так, например, «Уложение» Шереметева воспроизводят те формы и способы наказания пропавших солдат, которые предусмотрены «Статьями воинскими» (см. гл. III). Гл. VI «Уложения» запрещает «однополчанам» и «одногородцам» вступать в драку за своего товарища, «чтоб через онсе много людство до вящего убийства не дошло» — этот пункт явно отражает особенность комплектования и состава русских войск. Тот же смысл имеет пункт «Артикула краткого» А. Меншикова о значении воинской присяги: «Кто к юнации присягал единажды, у онто и до смерти стоять должен». В наемных армиях Запада присяга не имела такого распространительного значения, в то время как в русской армии военная служба была пожизненной не только для офицеров, но и для рядовых. В «Уставе Прежних Лет» находим следы использования старых уставов русской армии. Например, гл. 21: «И то всем, которые на карауле суть, гораздо рассуждать подобает, что на их очи все войско во сне полагается и что караул живот сбоза и крепость есть» — взята из Устава 1647 г. («Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»). Точно так же отражает особенность русской армии и воспроизводит одну из важных военноспасительных идей Петра (высказанную им еще в 1691 г. в «Указе по галерам» и повторенную в Боянском Уставе 1716 г.) гл. 42 «Устава Прежних Лет», в которой говорится: «Всякий начальный человек и солдат должен и обязан быть имеет товарища своего от петриателя выручать, пушечный снарял обронять и прапорец и знамя свое, елико возможно, боронить так, коль ему люб живот и честь его». Гл. 39 требует от начальных пехотных людей перед боем слезть с лошадей «и на назначенном месте в полном оружии пред солдатами своими или в первой шеренге встать, коль люба им есть своя честь и добрая слава». Это требование полностью совпадает с требованиями позднейших личных тактических инструкций Петра I. Таким образом, используя западные уставы, русские военные деятели подвергли их более или менее глубокой переработке на основе собственного опыта боевых действий и уставного творчества и создавали вполне самостоятельные и оригинальные (как строевой устав, Статьи воинские) уставные Положения. Большее влияние оказали военно-правовые нормы западных армий, но здесь не было слепого копирования готовых образцов. Глубина и качество переработки западных уставных материалов определялись глубиной и качеством перестройки русской армии, ростом ее военного искусства, оригинальностью военных идей ее полководцев. Во всем этом в первый период реформы армии были достигнуты значительные успехи. Организация, вооружение, тактика армии приобретали все более устойчивые черты регулярности. Однака реформа армии в исследуемый период далеко еще не была завершена.

¹ П. и Б., III, 842.

² П. и Б., V, № 1531.

³ Лл. 253, 321. Здесь же 2-й экземпляр его, озаглавленный «Воинский устав списан с прежнего». По листам скрепа: «Царского величества Московского воинский наказ».